

0721778 - 1

На правах рукописи

ФОМЕНКО СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ БРИТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1900 – 1930-е годы)**

**Специальность 07.00.03 –
всеобщая история**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

**Москва
2001**

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории
Омского государственного университета

Научный консультант –
доктор исторических наук профессор Мухамеджанов М. М.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Климов Ю.М.
доктор исторических наук, профессор Мошняга В.П.
доктор исторических наук Степанова Н.М.

Ведущая организация – Пермский государственный университет

Защита состоится 21 июня 2001 г. в 14.30 на заседании диссертационного совета Д 521. 004. 01 Московской гуманитарно-социальной академии по адресу: 111395, Москва, ул. Юности, д.5/1, корп. 3, ауд.511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московской гуманитарно-социальной академии.

Автореферат разослан 16 мая 2001 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Лаврененко И. М.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000575849

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В XX в. в деятельности государственных органов разных стран всё отчётливее выделяется направление, совпадающее с политикой в области образования, но включающее в себя также меры по обеспечению молодых людей работой и досугом, по их организации, политическому просвещению и т. д. Это направление принято сегодня называть молодёжной политикой. Выступая в качестве важнейшей составной социальной деятельности государства, молодёжная политика выходит за пределы последней в силу охвата всего комплекса мероприятий, направленных на обеспечение процесса социализации молодого поколения.

Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии во многих отношениях до сих пор остаётся социальной лабораторией западного мира. Поэтому британский опыт решения молодёжного вопроса представляет большой интерес – тем более, что под руинами нашего прежнего государства оказался погребён и отлаженный механизм социализации подрастающего поколения.

Историография проблемы. В широком историческом контексте молодёжная проблематика хорошо разработана в трудах таких отечественных учёных, как В. М. Быков, Ю. Е. Булатецкий, А. П. Зиновьев, М. В. Каргалова, Ю. М. Климов, И. С. Кон, Е. И. Косенко, М. М. Мухамеджанов, В. П. Мошняга, К. Г. Мяло, С. С. Салычев, В. Ц. Худавердян и др. Иначе обстоят дела с освещением вопросов, связанных с молодёжной политикой английского государства и условиями её проведения.

В силу малочисленности кадров отечественных англоведов их внимание в течение десятилетий было приковано к вопросам, так или иначе связанным с государственными интересами нашей страны, а ещё более – с интересами правившей партии¹. Вплоть до 1990-х годов в поле зрения советских историков находились преимущественно проблемы рабочего движения Британии, а также внешняя политика этой страны. Даже исследования по истории культуры – например, пермской школы англоведения – касались “преимущественно *передовых отрядов рабочего класса*”². В итоге разработка некоторых сюжетов британской истории первой половины XX в. практически не продвинулась вперёд, оставшись на уровне постановки проблем такими крупными специалистами, как П. В. Гурович, Н. Ф. Мочульский, А. М. Некрич, Л. В. Поздеева, В. Г. Трухановский, И. Н. Ундасынов и др.

Известный библиографический труд А. Н. Байковой – обзор литературы по истории Англии и Ирландии, изданной в СССР за 1918 – 62 гг., содержит всего одну работу по британскому социальному страхованию, одну переводную

¹ В этом нет ничего удивительного. Как честно признал французский историк, в нашей науке “научообразие и методология служат не более чем “фиговым листком” идеологии” (Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 10).

² Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1979. С. 143, 215.

брошюру о системе рабочего образования и 2 работы: монографию и статью – о положении английской молодёжи 20 – 30-х годов.

В последующие 40 лет состояние изученности политики английского государства периода 1900 – 1930-х годов в сфере, так или иначе затрагивающей интересы молодого поколения, изменилось мало – отчасти и потому, что имеющийся потенциал учёных переключился на исследование послевоенной истории. Среди 141 книги по новейшей истории Англии, вышедшей в СССР в 1960 – 70 гг., не было ни одной монографии о внутренней политике правительств межвоенного периода. В 1982 г. историк писал по поводу социальной политики британских кабинетов 20 – 30-х годов: специальных работ на русском языке, “посвящённых её формированию и развитию, пока нет”. Вплоть до последнего времени в отечественной историографии “практически не разрабатывался” даже сюжет, связанный с “хартией” послевоенной английской социальной политики – докладом У. Бевериджа³.

Англоведы упоминали такие социальные сдвиги довоенного периода, как некоторое повышение жизненного уровня верхушки рабочего класса и средних слоёв Великобритании, увеличение потребления, развитие массовой культуры. Констатировались и некоторые *достижения* в области социальной политики. Но сами достижения не рассматривались. Внимание было приковано к страшному социальному бедствию 20 – 30-х годов – массовой безработице и борьбе трудящихся против неё. Из отечественной литературы с трудом воссоздаётся даже облик тогдашней английской системы социального страхования *по безработице*. Главное же, разделяя точку зрения радикальных элементов рабочего движения, советские авторы не пытались понять логику поведения английский властей, вынужденных изыскивать способы оказания материальной поддержки нескольким миллионам людей одновременно.

Ситуации в социальной сфере касался и немногочисленный круг исследователей, изучавших историю общественно-политической мысли Британии первой половины XX в. Но говоря, допустим, о лейбористской “теории муниципального социализма”, учёные не стремились проследить её реализацию на практике, поскольку считалось, что эта теория – не что иное, как попытка отвлечь внимание масс “к мелким частным вопросам городского хозяйства”⁴. В ещё большей степени сказанное относится к оценке идеологии и политики буржуазного реформизма, “носителем” которого считались чуть ли не исключительно одни либералы.

Не нашла отражение в отечественной историографии и тема соприкосновения социал-демократического и буржуазного реформизма – соприкосновения в том смысле, о котором пишет Т. Шанин, подчёркивающий, что в 20 – 30-е годы

³ Алпатова Г. М. Социальные проблемы в классовой тактике английской буржуазии в 30-е годы // Проблемы британской истории (ПБИ), 1982. С.49; Алпатова Г. М. Революция по-английски”: политическая история доклада Бевериджа // Вестник Пермского университета. Выпуск 2. История. 1998. С.82.

⁴ Дворкин И. Идеология и политика правых лейбористов на службе монополий. М., 1953. С. 88.

“само определение потребностей и прав человека, а также представление о механизмах их удовлетворения оказывалось более или менее сходным, несмотря на идеологические различия в остальном”⁵.

Чрезмерная идеологизация истории и политики, при которой ставка делается на разоблачение, а искренность противника постоянно ставится под сомнение⁶, особенно отчётливо проступала со страниц советских работ об английской школе. Британский коммунист как-то заметил по поводу слабых сторон своей компартии: “Мы легко обзавелись концепцией, согласно которой буржуазия всегда оплачивает, принимает жёсткие решения и сговаривается... Мы видели агентов всегда, когда сталкивались с людьми, с которыми были не согласны... – агентов, активно поддерживаемых буржуазией в целях сознательных действий в её интересах”⁷. Этой концепции придерживалась фактически и советские авторы.

Отечественное обществоведение недооценивало революционную суть многих изменений, происходивших в Великобритании. Только в 1990-е годы был поднят вопрос о возможности рассмотрения “английской революции и ряда последующих сдвигов в социально-экономической сфере” в качестве “единого цикла межформационной революции и событий, функционально выполнявших роль внутриформационных революций”. Хотя в данном случае речь идёт о событиях 1688 г. и 1832 г., для анализа истории XX в. также важно замечание ведущих российских англоведов, что одна из причин, вследствие которых исторические альтернативы в Англии “получили решение в пользу эволюционного пути развития, заключается в значительной мере в сознательно проводимом курсе правящих классов на совмещение старых и новых элементов в общественном строе страны”⁸.

В английской историографии политика государства в отношении молодёжи периода 1900 – 1930-х годов также не была ещё предметом специального анализа, хотя отдельные аспекты этой политики затрагиваются в очень многих работах.

В 1937 г. Д. Лаундес опубликовал работу, которая трактовала изменения в системе образования Англии и Уэльса предыдущих 40 лет как единственно возможный и максимально рациональный вариант развития. Предлагая официальную (фактически торийскую) трактовку, Лаундес одним из первых назвал сдвиги в сфере просвещения 1895 – 1935 гг. “тихой социальной революцией”⁹. Преимущественно с аналогичных позиций оказались написаны и те работы по истории школы первой трети XX в., что были подготовлены накануне и в ходе

⁵ Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. Под ред. Ш. Рамон. М., 1997. С.30.

⁶ К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.61, 56.

⁷ Klugmann J. The Crisis in the Thirties. A view from the Left // Culture and Crisis in Britain in the Thirties. L., 1979, p.27.

⁸ Жигалов И. И., Черняк Е. Б. О некоторых задачах изучения истории Великобритании в советской историографии // ПБИ, 1990. С. 295, 297 – 298.

⁹ Lowndes G. A. N. The Silent Social Revolution. An account of the expansion of public education in England and Wales 1895 – 1935. Oxford University Press. L., 1937.

второй мировой войны. Их было немного, ибо, как констатировалось в 1941 г., “история английского образования – удивительно игнорируемый предмет”¹⁰.

В отличие от 1930 – 40-х годов, в последующие три десятилетия сдвиги, происходившие в британском просвещении с 1902 г., освещались скорее в негативном ключе. Затмившее всё крупномасштабное событие – Акт Батлера 1944 г. – приковало внимание учёных к непосредственной подготовке закона об образовании 1944 г. и его реализации. Интерес к истории школы предыдущего периода сохранили преимущественно левые радикалы, стремившиеся к пересмотру буржуазной трактовки прошлого.

По мнению автора широко известной трилогии¹¹ – Б. Саймона –, два межвоенных десятилетия явились “весьма унылыми в истории просвещения”, и в итоге сфера школьного образования окончательно превратилась “в сложную иерархическую систему, контролируемую государством и отражавшую ... застой того времени”. Усатривая в правительственном режиме экономии чуть ли не одно стремление власть имущих “помешать дальнейшему поступательному развитию школы”, Саймон писал, что осуществлявшиеся в 1920 – 30-е годы “крупные сокращения ассигнований на социальные нужды отражали ошибочное стремление к экономии”, и т. п.¹².

На фоне, с одной стороны, апологетических, а с другой стороны, разоблачительных работ выгодно отличаются своим взвешенным подходом труды из серии “История британского общества”, редактируемой Э. Хобсбаумом. К их числу принадлежит монография бывшего редактора журнала “Labour Research” Н. Брэнсн о Британии 20-х годов¹³ и исследование Л. Ч. Б. Симэна о пост-викторианской Англии¹⁴, на которые ссылаются практически все без исключения авторы обобщающих исследований по истории Великобритании XX в.

После второй мировой войны британскими учёными была реконструирована история становления внешкольного образования. Исследователей, однако, интересовала в основном эволюция отдельных секторов этого образования, а не возможности, открываемые для молодёжи. Как историю конкретной структуры воссоздавал, например, полуторавековое развитие системы педагогической подготовки Г. Дент. В подобном ключе написаны и его работы о различных формах обучения без отрыва от производства¹⁵. Аналогичны исследования Г. Вильямс о производственном ученичестве и профобучении вообще¹⁶.

---

¹⁰ K. Lindsay. English Education. L., 1941, p.7.

¹¹ Simon B. Studies in the history of education. 1780 – 1870. L., 1960; Simon B. Education and the Labour Movement 1870 – 1920. L., 1965; Simon B. The politics of educational reform 1920 – 1940. L., 1974.

¹² Саймон Б. Общество и образование. М., 1989. С.57, 38.

¹³ Branson N. Britain in the Nineteen Twenties. L., 1975.

¹⁴ Seaman L. C. B. Post-Victorian Britain. 1902 – 1951. L., 1966.

¹⁵ Dent H. C. Part-time Education in Great Britain. An historical outline. L., 1949; Dent H. C. Change in English Education. A Historical Survey. L., 1952; Dent H. C. The Training of Teachers in England and Wales. 1800 – 1975. L., 1975.

¹⁶ Williams G. Recruitment to Skilled Trades. L., 1957; Williams G. Apprenticeship in Europe. The lesson for Britain. L., 1963.

Единственным примером развёрнутого анализа положения молодых английских тружеников до сих пор остаётся вышедшая ещё в 1937 г. книга тогдашнего лидера британского комсомола Д. Голлана. Не будучи сугубо научной, она фиксировала внимание на игнорируемых часто буржуазными авторами негативных сторонах системы производственного обучения, порядка оплаты труда молодых рабочих, трудового законодательства и т. п.¹⁷ К сожалению, автор связывал вставшие перед рабочей молодёжью Британии в межвоенный период проблемы исключительно с “эксплуататорской природой капитализма”, игнорируя те объективные трудности экономики, что были порождены новым этапом индустриального развития.

Английские учёные сетуют по поводу “малого количества *детализированных исследований образования межвоенных лет*”¹⁸. Что же касается других направлений деятельности государства по решению затрагивающих молодёжь проблем, то они в научной литературе Великобритании освещены ещё хуже. Как и россияне, многие британские историки ограничиваются простой констатацией того, что правительство Асквита провело законы, ограничивающие эксплуатацию детей и подростков, а упоминая правительственные мероприятия в отношении молодёжи из работных домов, оценивают их по традиции скорее негативно. Работа М. Кроутера – одна из немногих, освещающих политику в отношении пауперов и их детей с иных позиций. Исходя из того, что “институционализация” явилась ответом на социальные проблемы, автор рассматривает работные дома не столько в качестве проявления крайностей капитализма XIX в., сколько как пусть и несовершенное, но всё же проявление заботы государства о бедных¹⁹.

Слабо исследована пока в рассматриваемый период работа властей по обеспечению досуга молодёжи. Предыстория Молодёжной службы и её деятельность в первые два десятилетия существования остаётся практически неизвестной. Упоминая факт образования новой структуры, авторы ограничиваются констатацией того, что “её корни уходят во всё лучшее из викторианской эпохи”, что служба во всё большей степени превращается в “бюрократическую попытку смягчить социальное напряжение, вызываемое классовыми различиями и разницей статуса”,²⁰ и т. п.

Д. Гиллис обращал внимание на усиление в XX в. роли государства в процессе социализации подрастающего поколения. Тем не менее, полагал он, “в 1940 – 50-е годы по-прежнему сохранялось упование на добровольные организации”, и отношение к Молодёжной службе этого периода можно охарактеризовать как “общественное безразличие и голодный паёк правительства”. Кон-

¹⁷ Голлан Дж. Молодёжь в английской промышленности. М., 1938.

¹⁸ *Schooling in Decline*. Ed. by Gerald Bernbaum. L., 1979, p.124

¹⁹ Crowter M. A. *The workhouse system 1834 – 1929. The History of an English Social Institution*. L., 1981, p. 269 – 270.

²⁰ Mays J. B. *The Young Pretenders. A Study of teenage culture in contemporary society*. L., 1965, p.40; Hogan J. M. *The Relationship between Youth Service and Secondary Schools*. University of Leeds, Institute of Education. Paper No.7, 1968, p.5.

цепция молодёжной работы окончательно изменилась только в последующие десятилетия, что отразило “меняющееся восприятие отрочества и символизировало окончание ещё одной эры английской социальной истории”²¹. При всей верности отмеченной Гиллисом тенденции трудно распространить его вывод о роли государства на внешкольную работу с молодёжью конца 30 – начала 40-х годов, ибо та перестала уже быть чисто благотворительной и приблизилась к профессиональной.

В отечественной литературе не раз отмечалось, что в Англии “не любят идеологию”. Это обстоятельство, а также негласное решение политических партий Британии не втягивать школу в политику стало, по-видимому, главной причиной отсутствия в общественном образовании этой страны работ о политико-идеологической стороне образования, хотя таковая явно присутствует. Даже в работах о политической социализации *послевоенного* поколения молодых англичан прослеживается лишь связь между зачатками политических взглядов детей и типом посещаемой ими школы, но не зависимость этих взглядов от содержания гуманитарного, религиозного образования и предметов типа “civics”.

Для понимания молодёжной политики государства и оценки её результативности крайне важна история молодёжного движения. Целного очерка истории этого движения первой половины XX в. также пока нет, хотя умозаключений немало. (Согласно одному из них, истекшее столетие продемонстрировало чередование форм молодёжного протеста, когда налицо “если не дандизм, то политический активизм”²²).

Работы по лейбористскому движению содержат зарисовки деятельности юношеских союзов лейбористской и Независимой рабочей партий²³. Исследования о коммунистическом движении воссоздают картину первых лет деятельности английского комсомола²⁴.

“Молодёжная революция” 1960-х годов породила серию работ по истории отдельных британских университетов и их студенческих союзов²⁵. Авторы первой работы, содержащей краткий очерк истории Национального союза студентов (НСС), констатировали волнообразность студенческого движения страны в 1920 – 40-е годы и в целом его развитие по восходящей линии²⁶. А Д. Джекс уточнял: в конце 30-х годов и с началом войны “стало возникать массовое студенческое движение”. И он же отмечал, что конкретная деятельность

²¹ Gillis J. R. *Youth and History. Tradition and Change in European Age Relations. 1770 – Present.* N.Y.-L., 1974, p.159 – 160.

²² Green M. *Children of the Sun. A narrative of “decadence” in England after 1918.* L., 1977, p.26.

²³ Cole G. D. H. *A History of the Labour Party from 1914.* N.Y., 1969; Dowse R. E. *Left in the Centre. The ILP 1893 – 1940.* L., 1966; Luza R. *History of the International Socialist Youth Movement.* A. W. Sijthoff-Leyden, 1970.

²⁴ Newton K. *The Sociology of British Communism.* L., 1969; Петермейер К. *Молодёжь Англии.* М.-Л., 1928.

²⁵ Green V. H. H. *A History of Oxford University.* L., 1974; Howarth F. E. B. *Cambridge Between Two Wars.* L., 1978.

²⁶ Ashby E., Anderson M. *The rise of the student estate in Britain.* L., 1970, p.92.

НСС в межвоенный период по-прежнему “нуждается в доскональном изучении”, хотя препятствием здесь является “недостаток источниковой базы”²⁷.

Возникший под влиянием “молодёжной революции” интерес академических кругов к молодёжному движению прошлого распространился и на историю так называемых добровольных молодёжных организаций, которая долгое время существовала чуть ли не исключительно только в интерпретации создателей и функционеров этих объединений. Сразу же развернулась яростная полемика. По верному замечанию П. Вилкинсона, “успешные английские молодёжные движения не были типичными движениями протеста”, а являлись скорее “тщательно продуманными попытками отклика на нужды молодёжи и её требование использовать энергию молодых ради великих дел, одобренных взрослыми, как-то: защита империи, национальная безопасность, международное сотрудничество и т. п.”. Но признавая, что в силу этого молодёжные движения оказались ограничены “пределами, допускаемыми патронами из рядов политической, духовной и военной элиты”, Вилкинсон тем не менее заявлял: в отличие от континентальных английские движения не превратились в “инструмент партийно-политической манипуляции”²⁸. Д. Спрингхолл, Д. Гиллис и др., напротив, фактически солидаризировались с мнением советских учёных, таких как Н. С. Степанов²⁹. Они указывали на то, что молодёжные организации эдвардианской Англии занимались пропагандой “националистической, милитаристской идеологии”, а скаутизм даже в межвоенные годы (не говоря уж о периоде до 1914 г.) “был пропитан империалистической идеологией тори”³⁰.

Возобладавший было в английской историографии взгляд на скаутское движение как движение, базировавшееся изначально на империалистических ценностях, оспорил в 1980-х годах А. Уоррен. Убедившись, что скаутизм начала века был гораздо более “плюралистичным”, чем принято считать, Уоррен считал возможным рассматривать его с самого начала в качестве составной “того спектра общественного мнения, ядром которого являлся идеал воспитания гражданина”³¹. То, что дискуссия по поводу облика униформенных молодёжных движений в Британии не прекращается, послужило дополнительным стимулом для обращения автора к истории раннего скаутизма – без её воссоздания трудно составить представление о внешкольной работе с молодёжью и её гражданском образовании.

²⁷ Jacks D. Student Politics and Higher Education. L., 1975, p.80, 143, 11.

²⁸ Wilkinson P. English Youth Movements, 1908-30 // Journal of Contemporary History, Vol.4, No.2, April 1969, p.22, 4.

²⁹ Степанов Н. С. К истории возникновения и развития бойскаутского движения в Великобритании // Учёные записки Курского педагогического института, вып. 43, ч. 1. Курск, 1967.

³⁰ Springhall J. O. The boy scouts, class and militarism in relation to British youth movement. 1908 – 1930 // International Review of Social history, Vol.XVI, Part 2, 1971, p.158; Gillis J. R. Op. cit., p.143, 146.

³¹ Warren A. Sir Robert Baden-Powell, the Scout Movement and Citizen Training in Great Britain, 1900 – 1920 // ante, ci (1986), p.381.

В целом, анализ отечественной и британской историографии показывает, что проблемы молодёжной политики английского государства периода до второй мировой войны специально ещё не изучались.

Предметом данного исследования являются основные направления формирования и развития молодёжной политики государственных структур Великобритании первых четырёх десятилетий XX в.

При рассмотрении явлений, происходивших в недрах буржуазного общества в ушедшем столетии, в отечественной науке за точку отсчёта берётся, как правило, окончание либо первой, либо второй мировой войны. Но **хронологические рамки данной работы** охватывают 1900 – 1930-е годы, т. е. период с начала столетия. Первая половина XX в. явилась уникальной в социальной истории молодёжи. Кроме того, период с конца XIX в. по 1950-е годы оказался переломным в истории западной цивилизации: капитализм либеральной эпохи с его принципом *laissez-faire* уступил место государству “всеобщего благосостояния”. Хотя решающими в этом плане оказались 1930 – 50-е годы, фундамент государства “благосостояния” стал закладываться в Британии уже законодательством 1902 – 11 гг., а завершилось возведение его каркаса в годы второй мировой войны и в правление первых послевоенных лейбористских правительств. Тогда же с созданием Молодёжной службы и Службы трудоустройства молодёжи окончательно выделилась в качестве самостоятельного направления молодёжная политика правительства. Данная работа, однако, лишь частично затрагивает начало 1940-х годов – реформаторство этого десятилетия настолько крупномасштабно, что требует отдельного рассмотрения.

Поскольку в историографии в основе периодизации лежат преимущественно политические события, концом рассматриваемого периода можно считать начало второй мировой войны, а началом периода – окончание войны англо-бурской, сыгравшей в британской истории примерно такую же роль, что и вьетнамская война для США 1960 – 70-х годов.

Крайне неоднородная социально-возрастная категория “молодёжь” не имеет чётких возрастных границ. Из-за процесса акселерации нижняя граница молодости в XX в. опускалась, а верхняя – вследствие более позднего наступления социальной зрелости личности – поднималась. Границы юности и её продолжительность несколько отличаются у представителей разных полов и социальных групп. Кроме того, практические работники руководствуются разными представлением о возрастных пределах молодости. В 30-е годы английская полиция называла подростками 8 – 17-летних, а в документах министерств образования и труда понятие “подросток” обозначало чаще всего 14 – 18-летних. Не было и нет единых возрастных границ и у молодёжных организаций. Указываемые современными социологами хронологические границы молодости также лежат в очень широких пределах – от 10 – 12 до 20 – 25 и даже до 30 лет.

В центре нашего внимания находится политика в отношении той возрастной категории, что является по роду своих занятий старшеклассниками, студентами и молодыми тружениками. Но при этом в разных случаях речь будет идти о населении в возрасте от 11 – 14 лет до 21 года, 24 лет, а иногда и до 29 –

30 лет. В начале XX в. часть 11-летних сама зарабатывала себе на жизнь, но постепенно верхняя граница обязательного школьного обучения была поднята до 14 лет. 21 год – это возраст наступления гражданской зрелости, а также окончания профессиональной подготовки большинством производственных учеников и студентов. Кроме того, с 1918 г. мужчины пользовались избирательными правами с 21 года, а женщины с 30 лет. 20 – 30-летних было немало в молодёжных организациях. Появление же таких вех, как 24 года, 29 лет, связано с практикой разбивки населения британской статистикой.

Наконец, нас интересует политика государства в отношении выходцев из среды трудящихся – той части населения, которую В. И. Ленин определял, как “все эксплуатируемые капиталом”, а Веббы противопоставляли экономически господствующему классу, “живущему благодаря владению, а не за счёт своего труда”. (Трудящимися в рассматриваемый период являлось 90 – 95 % самодеятельного населения Британии). Процесс социализации отпрысков властвующей элиты в диссертации не рассматривается.

Несмотря на то, что речь идёт о стране, называемой Соединённым королевством Великобритании и Северной Ирландии, молодёжная политика будет освещаться чуть ли не исключительно так, как она проводилась на территории Англии и Уэльса, ибо Шотландия обладала и обладает значительной степенью автономии, а ситуация в Ольстере слишком специфична.

Из органов власти взяты лишь центральные. Молодёжная политика на местах существенно разнится, а поэтому требует отдельного рассмотрения.

Правительственный курс по модификации деятельности средств массовой информации – этого важнейшего в современных условиях института социализации молодёжи и нового фактора осуществления власти – специально не рассматривается. Однако анализируемая в работе дискуссия по молодёжному вопросу, развернувшаяся в 30-е годы наряду с прочим и в прессе, отражала не просто теоретические поиски учёных и практических работников. Одновременно она являлась средством воздействия на общество – в основном на взрослых, но через них и на молодёжь...

Великобритания – страна развитого гражданского общества, в которой привилегии и функции общественных и властных структур разделить часто невозможно. Поэтому, анализируя деятельность государственных органов, автор вынужден постоянно рассматривать действия и другой стороны, активно работающей с молодым поколением – общественности.

Цель исследования – реконструировать и теоретически обобщить процессы становления и развития государственной молодёжной политики в конкретно-исторических условиях Великобритании 1900 – 1930-х годов.

Автор ставит перед собой следующие задачи:

выявить причины всё более отчётливого выделения в XX в. ещё одного направления внутренней политики английского государства, а также причины активизации молодёжной политики в межвоенный период;

проследить как основные направления этой политики, так и изменения, которые претерпели в 1900 – 1930-х годах основные институты социализации

молодёжи, развивающиеся при всё более тесном взаимоотношении общественных и государственных структур: школа, системы “дальнейшего”, высшего образования, производственного ученичества, молодёжные организации и центры;

показать (там, где это возможно) процесс осмысления молодёжного вопроса интеллектуальной мыслью Великобритании и его воздействие на курс властей;

наконец, затронуть проблему результативности молодёжной политики, продемонстрировав её на примере изменений, произошедших в рассматриваемый период в среде *организованной* части британской молодёжи.

Кроме того, поставив своей целью анализ содержания и результативности молодёжной политики английского государства периода 1900 – 1930-х годов, автор не в состоянии удержаться от постоянных “забеганий вперёд”. Там, где возникший до войны социальный институт продолжает существовать и сегодня, по возможности даются его современные характеристики, что, на наш взгляд, позволяет лучше представить значение и судьбу начинаний 1900 – 1930-х годов.

Источниковую базу диссертации составили прежде всего законодательные акты и парламентские дебаты, издания правительственных учреждений и разного рода общественных организаций, статистика. Большинство этих материалов вводится в научный оборот впервые.

Пожалуй, ни одна европейская страна не располагает таким количеством опубликованных источников по своей истории, как Великобритания³². Ставшие благодаря этому доступными широкому кругу исследователей официальные документы представлены в основном “Command Papers” – правительственными документами, рассматриваемыми в парламенте, и разного рода ведомственными постановлениями.

Поскольку в довоенный период решением молодёжных проблем занимались преимущественно органы образования, использовались в основном издания министерства просвещения, известного в 1899 – 1944 гг. как Совет образования. Подавляющая часть этих документов подготовлена консультативным комитетом Совета, созданным в 1899 г. и не прерывавшим свою деятельность на протяжении всей первой половины XX в.

В научной литературе можно встретить следующую хронологию важнейших вех в истории британского просвещения межвоенного периода: Акт (т. е. закон) об образовании 1918 г., работа Р. Тоуни 1922 г. “Среднее образование для всех”, отчёт консультативного комитета 1924 г. “Психологические тесты на способность к обучению”, отчёт комитета Хэдоу (1926 г.), работа 1926 г. К. Линдси (Линдсея) “Социальный прогресс и потери в области образования”, закон об образовании 1936 г., отчёт “Среднее образование” консультативного комитета под председательством Спенса (1938 г.)³³. Поскольку нас интересует

³² Болдырева Н. Д. Государственный архив Великобритании // ПБИ, 1978. С.225.

³³ Silver H. Education and Social policy // New Society, 30. 11. 1978, p.514.

период и до первой мировой войны, в этот перечень следует включить ещё Акт об образовании 1902 г.

Доступными оказались тексты всех вышеперечисленных документов за исключением отчётов консультативных комитетов 1924 и 1938 гг., содержание которых воссоздаётся по сборникам документов и материалам прессы. Законы цитируются по 5-томному изданию документов внутренней политики британского правительства конца XVII – XX вв.³⁴, а отчёт комитета Хэдоу – по его репринтному повторному изданию 1944 г.³⁵

Использовался также заключительный отчёт комитета по вопросам “образования взрослых”, образованного министерством реконструкции в конце первой мировой войны. Служивший, по свидетельству специалистов, “источником информации и идей” как минимум для двух поколений, он был переиздан в сокращённом варианте в 1956 г.³⁶

Чрезвычайно ценным является издание “Образование, ребёнок и общество. Документальная история 1900 – 1973 гг.”³⁷. Осуществлённое лучшим в 70-е годы британским историком образования ван дер Айкеном, оно содержит 108 документов, 76 из которых относятся к периоду до 1938 г. Наряду с разного рода отчётами и подзаконными актами в сборнике представлены материалы прессы, выдержки из мемуаров и работ крупнейших интеллектуалов, оказавших влияние на молодёжную политику государства.

При анализе эволюции трудового и уголовного законодательства основным источником послужил сборник законов, относящихся к детям и молодым людям, составленный впервые в 1934 г., и реже – аналогичный сборник, подготовленный уже после второй мировой войны³⁸. Закон о детях 1908 г. цитируется по его первоначальному официальному изданию³⁹.

Из партийных изданий использовались почти исключительно лейбористские, более разносторонние освещавшие положение молодёжи и дававшие более перспективное видение решения молодёжного вопроса. (В материалах консервативной партии интересующие нас проблемы часто просто не затрагивались). Документы Лейбористской партии (ЛПВ) и Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) дополняют издания таких общественных организаций, как бри-

³⁴ Great Britain. The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy 1689 – 1973. Ed. by J. H. Wiener. N.Y., L., 1974. Vol. 3 – 4.

³⁵ Great Britain. Board of Education. Report of the Consultative Committee on The Education of the Adolescent. L., HMSO, 1927. Reprinted 1944.

³⁶ A design for democracy. An abridgement of a report of The Adult Education Committee of the British Ministry of Reconstruction commonly called The 1919 Report with an introduction The Years Between by R. D. Waller. L., 1956.

³⁷ Education, the Child and Society. A Documentary History 1900 – 1973. Ed. by Willem van der Eyken. Harmondsworth, 1973.

³⁸ Great Britain. Laws and Statutes. Clarke Hall and Morrison's law relating to Children and Young Persons including the law of adoption. Second edition. L., 1942.; Giles F. T. Children and the law. An account of the laws concerning children. Harmondsworth, 1959.

³⁹ Children Act, 1908. 8 Edw. 7. Ch.67. A.D. 1908.

танский Союз Лиги наций, Национальный союз учителей, Историческая ассоциация, Ассоциация обучения гражданственности.

Из периодических изданий источником послужил прежде всего “Ежегодник образования”, выходявший с 1932 г. под редакцией лорда Юстаса Перси, дважды занимавшего пост министра просвещения в правительствах консерваторов 1920-х годов⁴⁰. Благодаря работе в ежегоднике П. Нанна, Д. Вильсона и др. издание стало трибуной научно-педагогической и социологической мысли Британии.

Ежемесячник “Новая эра дома и в школе” издавался Содружеством в пользу нового образования (НЭФ) – международной организацией, созданной в 1915 г. на основе признания её членами того, что “проблемы, стоящие перед цивилизацией, являются в основном проблемами человеческих отношений... а поэтому для их решения нужен новый тип воспитания дома и в школе”⁴¹. Поскольку секретариат НЭФ находился в Лондоне, британская общественность играла основную роль в его деятельности.

Еженедельник “Таймс эдьюкейшнл сапллмент” отражал скорее позицию кругов, ответственных за образовательную и молодёжную политику.

Использовались также материалы газеты “Таймс” и литературно-политического еженесячника “Контемпорари ревью”.

Из партийной периодики привлекались: газета Независимой рабочей партии “The New Leader”; издававшийся в 1920-х годах Коммунистическим союзом молодёжи журнал “Young worker”; еженедельник “The New Statesman and Nation”, основанный фабианцами в 1913 г. и считавшийся пролейбористским даже после того, как его владельцем стал Дж. М. Кейнс.

Периодическую печать дополняет подборка материалов прессы, художественной и общественно-политической литературы межвоенного периода, которую осуществил Д. Лейвз⁴². Аналогично по содержанию и второе издание “Юбилейной антологии”⁴³, освещающей ситуацию внутри Британии и за рубежом в период между 1931 и 1941 гг.

Своеобразным источником являются работы по социальной истории Британии. Английскими исследователями периода после 1914 г. написаны ценные труды по экономической истории, много работ по истории дипломатии и всего “несколько довольно *беззаботных обзоров* социальной истории”⁴⁴. В числе последних прежде всего книги Р. Блайдза и Р. Грейвза с А. Ходжей⁴⁵. Используемые нами, эти работы являются своего рода публицистическими заметками о своём времени, созданными на основе личных наблюдений и данных разнообраз-

---

⁴⁰ The Year Book of Education 1934. Editor in chief Lord Eustace Percy. L., 1934; The Year Book of Education. 1935. L., 1935.

⁴¹ The new era in home and school, September – October 1934, p.193.

⁴² Laver J. Between the wars. L., 1961.

⁴³ Decade 1931 – 1941. A commemorative anthology. Bristol, 1942.

⁴⁴ Mowat C. L. Britain between the wars. 1918 – 1940. L., 1955, p. 18.

⁴⁵ Blythe R. The Age of Illusion. England in the twenties and thirties. 1919 – 1940. L., 1963; Graves R., Hodge A. The long week-end. A social history of Great Britain. L., 1941.

разных средств массовой информации. Особенно ценна изданная “по свежим следам” работа Грейвза и Ходжа о периоде 1918 – 1939 гг., содержащая главы: “Женщины”, “Развлечения” и др.

Попыткой обозреть своё время и его условия можно считать и работу парламентского секретаря Совета образования с 1938 г., члена Ассоциации обучения гражданственности К. Линдзи, который описывает английскую систему образования начала 1940-х годов ⁴⁶.

Идеология скаутизма, его жизненная философия воссоздаётся в основном по трудам основателя скаутского движения Р. Бейден-Пауэрлла (Баден-Пауэрлла) ⁴⁷.

Составить представление об умонастроениях участников молодёжного движения позволяют издания британского комсомола межвоенной поры и интереснейшая публикация Мирной ассамблеи британской молодёжи, содержащая программу этого созданного в 1936 г. общественного движения и анализ 6 важнейших для молодёжи того времени проблем ⁴⁸.

О взглядах студенчества предвоенной поры позволяют судить мемуары одного из студенческих активистов Оксфорда 1920-х годов, книга Б. Саймона, написанная под впечатлением пребывания автора на посту президента НСС Великобритании в 1939 – 40 гг., и уникальные воспоминания историка коммуниста Дж. Клугмана, являвшегося в 1935 – 39 гг. секретарём Всемирной студенческой ассоциации за мир и свободу ⁴⁹. Общую обстановку в стране в 20 – 30-е годы и умонастроение части молодых тружеников воссоздают впервые вышедшие ещё в 1936 г. мемуары У. Ханнингтона, ставшего организатором маршей безработных в возрасте 25 лет. Историей рабочего образования “в лицах” являются воспоминания А. Мэнсбриджа – секретаря Ассоциации рабочего образования в 1903 – 1915 гг. ⁵⁰.

Бесценным с разных точек зрения источником являются произведения крупнейших британских писателей: Г. Д. Уэллса, Ч. П. Сноу, Д. Б. Пристли, Д. Г. Лоуренса, двое из которых являлись к тому же известными общественными деятелями страны.

Работы учёных и видных представителей общественности оказывают в Британии на политику иногда не меньшее влияние, нежели решения властей. (Не случайно в хронологии важнейших событий в истории образования они ставятся в один ряд с законами парламента). Автор использовал труды извест-

⁴⁶ Lindsay K. English Education. L., 1941.

⁴⁷ Baden-Powell R.S. Scouting for boys. Fifth edition. L., 1916; Baden-Powell R. Aids to Scout-mastership. Third edition, improved. L., 1920; Baden-Powell R. Rovering to Success: a book of life-sport for young men. L., 1922. Reprinted ed. L., 1947; Baden-Powell R. Scouting and Youth Movements. N.Y., 1931.

⁴⁸ Youth in Britain today. A Survey in six parts: a programme for advance. “For Peace and Social Justice”. Issued by the British Youth Peace Assembly. L., 1937.

⁴⁹ Hollis C. Oxford in the twenties. Recollections of Five Friends. L., 1976; Simon B. A students' view of the universities. L., 1943.

⁵⁰ Hannington W. Unemployed struggles 1919 – 1936. My Life and Struggles Amongst the Unemployed. L., 1979; Mansbridge A. C. H. Fellow men. A Gallery of England 1876 – 1946. L., 1948.

ных экономистов А. Маршалла и Дж. М. Кейнса, работы профессора С. Вебба – известного фабианца, одно время председателя ЛПВ, члена Совета Лондонского графства и многих королевских комиссий. Привлекались также работы крупного историка-медиевиста Р. Г. Тоуни – автора большинства документов ЛПВ межвоенного периода по вопросам образовательной политики, члена консультативного комитета Совета образования в 1912 – 31 гг.⁵¹ Источником послужили труды известного организатора и теоретика образования периода 1910 – 30-х годов профессора Р. У. Ливингстона, представленные 2 изданиями 1941 – 43 гг.⁵²

Межвоенный период отмечен пристальным вниманием к вопросам образования, преподавания истории, пропаганды и т. п. со стороны Б. Рассела⁵³, который был не только философом и математиком, но и главой одной из популярных “прогрессивных” школ.

Известность, выходящую за пределы Великобритании, получил накануне первой мировой войны благодаря своим 14 книгам-занятиям и открытым урокам в различных странах мира Ф. Гулд – один из ведущих деятелей возникшей в 1897 г. Лиги нравственного образования⁵⁴.

Перечисляя в 1943 г. работы, важные с точки зрения социологии подростка, К. Мангейм упомянул всего 4 книги, принадлежавшие перу англичан. Одной из них была используемая нами работа Макалесте Бру “На службе молодёжи: практическое руководство для работы среди подростков”⁵⁵. Невозможно проигнорировать труды и самого Мангейма. Крупный европейский мыслитель, эмигрировав в Англию в 1933 г., не только продолжал свои занятия социологией молодёжи и социологией образования, но и сделал немало для привлечения внимания британского общества и властей к молодёжному вопросу. Изданная на русском языке работа “Диагноз нашего времени” представляет собой цикл лекций, прочитанных Мангеймом с 1941 г. на разного рода конференциях и курсах.

Из материалов работы парламента, вопреки сложившейся традиции, использовались в основном дебаты не палаты общин, а палаты лордов. Через последнюю продолжало проходить около 1/4 *правительственных биллей*. Главное же, благодаря институту пожизненного пэрства в палате лордов во многом оказалась сосредоточена интеллектуальная и политическая элита страны. По крайней мере все изменения молодёжной политики государства намечались и получали теоретическое обоснование прежде всего в палате лордов. В одной из

⁵¹ The Educational Muddle and the Way Out. A Constructive Criticism of English Educational Machinery. Fabian Tract No. 106. L., 1901; Webb S. and B. A Constitution for the Socialist Commonwealth of Great Britain. 1920; Tawney R. H. Secondary Education for All. A policy for Labour. L., 1922

⁵² Livingston R. On education. Cambridge, N.Y., 1945.

⁵³ Russell B. Free thought and official propaganda. N. Y., 1922; Russell B. Education and the good life. N.Y., 1926; Russell B. History As An Art. Aldington, 1954; Russell B. On education. Especially in early childhood. L., 1960.

⁵⁴ Gould F.J. British Education after the War. L., 1917.

⁵⁵ Macalister Brew J. In the Service of youth. L., 1943.

дискуссий по проблемам образования в ней участвовало как минимум три бывших министра просвещения, что уже само по себе превращало разговор в весьма конкретный и профессиональный.

Теоретико-методологической основой исследования являются общенаучные принципы познания общественных явлений: принципы объективности, системности, комплексности, фундаментальности и др. Общенаучные методы дополняются специальными методами исторического анализа, преимущественно конкретно-историческим и сравнительно-историческим. При анализе фактов, событий и идей используются также формационный, цивилизационный, междисциплинарный и другие подходы.

Нельзя не согласиться с И. Д. Ковальченко, что развитие исторической мысли и науки “подошло к такому рубежу, когда их дальнейший прогресс требует ... поиска путей к синтезу различных философско-исторических и концептуальных подходов и построений”, и что “синтез теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций является органическим компонентом в развитии любой науки”⁵⁶.

Необходимым инструментом, позволившим отобрать в источниках интересные феномены и организовать их в некое единство, послужила для нас теория социализации, этот своего рода “идеальный тип”, с помощью которого, по предположению М. Вебера, работает историк.

Практически не разрабатываемая в отечественной науке вплоть до последнего времени, в английской литературе проблема социализации молодого поколения решается чуть ли не исключительно в социологическом ключе. Учёные пытаются выявить соотношение влияния в процессе социализации личности семьи и школы, школы и первого “послешкольного” опыта, группы сверстников и семьи и т. д. Но воздействие государства на данный процесс специально не исследуется – возможно, из стремления лишить почвы разговоры о бюрократизации буржуазного общества.

Между тем проведённое автором исследование показало: в условиях XX в. власти имеют возможность вмешательства даже в процесс первичной социализации, осуществляемой в семье. Не только в тоталитарных, но и в буржуазно-демократических государствах они пытаются воздействовать на внутрисемейные отношения – правда, в основном косвенным путём: путём предоставления семейных пособий, улучшающих материальное положение родителей и детей, с помощью института опекунов и т. п.

Государственные структуры пытаются оказывать воздействие и на соседские отношения, на семейное окружение. Традиционно это направление деятельности рассматривается учёными как работа по налаживанию досуга населения, а также по организации последнего в разного рода союзы.

Самое действенное в руках государства средство из числа тех, с чьей помощью общество воспроизводит себя в новом поколении, – это, конечно, сис-

---

⁵⁶ И. Д. Ковальченко. Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновлённых подходов) // Исторические Записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1 (119). М., 1995. С. 25, 23.

тема образования. Поскольку социализирующим воздействием обладают не только передаваемые знания и ценности, но и сам опыт пребывания молодёжи в школе, нами государственная политика в сфере школьного образования рассматривается с двух точек зрения: анализируется и содержание преподавания, и структура массовой школы.

Исследование не является психолого-педагогическим, а поэтому содержательная сторона преподавания представлена лишь сюжетами, связанными с пропагандой идеологии⁵⁷ и с так называемой социологической пропагандой, направленной на формирование у молодёжи не только определённого образа мыслей, но и самого “стиля жизни”.

Другая – и весьма значительная – часть содержащегося в работе материала, связанного со школой, отражает историю государственного регулирования системы частного образования с целью интеграции последней в единую общественную (общегосударственную) систему.

Наиболее сложно воссоздать государственную политику, нацеленную на формирование позитивного социализирующего опыта у молодых тружеников в первые годы их самостоятельной трудовой жизни. Поскольку огромную роль в данном случае играет возможность получения молодыми людьми квалификации, в центре нашего внимания – вопросы профессиональной подготовки и специального образования. Конкретно речь будет идти о попытках государства, с одной стороны, поставить частную систему производственного ученичества под общественный контроль, а с другой – дополнить эту всё более сжимающуюся систему сетью общественно-государственных учреждений “дальнейшего образования”. Третьим направлением государственной деятельности, чрезвычайно важным для молодых тружеников, является политика в отношении безработных.

Данные обобщения относительно участия государства в процессе социализации молодого поколения и основных направлениях его работы – следствие проделанного автором анализа. Исследование приходится предварять ими ввиду недостаточной теоретической разработки вопроса, а также для обоснования внешне чересчур дробной структуры работы.

Дробность исследования усиливается ещё и тем, что рассматриваемый период разрезает первая мировая война. Великая, по определению современников, война буквально перевернула жизнь европейского общества, породив, в частности, фашизм, мощное леворадикальное движение, а в Британии ещё и самостоятельное молодёжное движение. На это, как на факторы, влияющие на политику властей, можно было бы сослаться в самом начале работы, но переход затем к анализу событий периода англо-бурской войны, когда не было ещё

---

⁵⁷ Политические идеологии монополизировали значение понятия “идеология”, порождая убеждение, будто оно не имеет смысла вне политической области. Однако самая общая характеристика этого понятия сводится к тому, что “идеология рассматривает действительность обобщающим образом” (Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. Пер. с англ. М. 1998. С.65)

самих понятий “фашизм”, “молодёжное движение”, с неизбежностью усилил бы социологический характер работы, чего автор стремился избежать.

Внешнее исследование носит междисциплинарный характер. Но мы склонны считать его сугубо историческим. Основание – происходящая с нашей дисциплиной в последнее время мутация, благодаря которой “история после нескольких десятилетий пребывания в полунемилости в качестве маленькой Золушки социальных наук вновь обретает то выдающееся место, которое она было утратила”⁵⁸.

Работа тяготеет к жанру “социальной истории” – безотносительно того, какой смысл вкладывается в этот термин (не считая, конечно, мнения, согласно которому социальная история выражает всего лишь свойственное каждому поколению стремление к новизне). Понятие социальной истории, отличной от истории политической, интеллектуальной, дипломатической, военной и др., существует во многих историографиях, несмотря на достаточную нечёткость этого определения.

Значительная часть работы написана в русле социальной истории, поскольку освещается прежде всего эволюция социальной сферы жизни британского общества 1900 – 1930-х годов, происходившая при активном участии государственных органов. История же “отдельных институтов (например, систем вспомоществования бедным) явно принадлежит к социальной истории”⁵⁹. Историко-социальный характер работы определяется и тем, что в отличие от политической истории социальная пристально изучает скорее коллективные, нежели индивидуальные феномены, делая предметом исследования те сферы реальности, что *следует раскрывать преимущественно посредством описания и объяснения*, а не герменевтического понимания смысла⁶⁰.

Работа тяготеет к жанру социальной истории и в том случае, если встать на точку зрения Дж. М. Тревельяна, который одним из первых указал на специфику историко-социального подхода. Говоря о politics – т. е. о политике в таком её понимании, которое обязательно подразумевает конфликт и деление всех на сторонников и противников, учёный считал возможным определить социальную историю “отрицательно”: это мол “история народа, из которой исключена политическая история”⁶¹. Данная работа – о “другой” политике – деятельности государственных структур (policy), а не о неразрывно связанной с ней партийно-политической борьбе (politics).

Не преуменьшая значения последней в разработке и принятии властных решений, хочется обратить внимание на элементы преемственности в государ-

⁵⁸ По образному выражению мэтра французской историографии, однажды во время купания история “взяла одежды социальных наук, а те даже не заметили своей наготы” (Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Том 1. Вып. 2. С. 173).

⁵⁹ Калинин А. А., Модель Д. А. Над чем работают английские и американские специалисты по истории Великобритании и Ирландии в новое время // ПБИ, 1978. С. 210 – 211.

⁶⁰ Шпотов Б. М. Проблема методологии истории на страницах “Journal of Social History” // Thesis. Весна 1993. С. 235.

⁶¹ Тревельян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. С. 15.

ственной политике Британии, связанные прежде всего с огромной ролью в её проведении несменяемых высших государственных чиновников – высших лиц гражданской службы.

За 40 рассматриваемых в работе лет на посту премьер-министра Великобритании сменилось 9 человек, возглавлявших как однопартийные, так и коалиционные правительства. Смена главы кабинета, как правило, сопровождалась обновлением руководства ведомств, в том числе причастных к проведению молодёжной политики: министерств образования, внутренних дел, торговли, здравоохранения (до 1920 г. Совета по делам местного самоуправления), после 1918 г. – министерства труда и др.

Министры, однако, приходили и уходили, а несменяемые помощники министра (Permanent Under-Secretary) оставались, как иногда и заместители министра, являвшиеся членами кабинета (Parliamentary Under-Secretary). По свидетельству проработавшего в госаппарате около 20 лет Ч. П. Сноу, в Англии руководители типа постоянных секретарей управлений *“занимают ключевые позиции в системе управления и во многих отношениях более влиятельны и могущественны, чем министры”*⁶². Подчёркивая огромную роль бюрократии с её групповым партикуляризмом, неотделимым от существования профессионально выделенного государственного аппарата, известный английский исследователь Р. Титмасс писал, что некоторые из социальных законов начала века *“попали в законодательный свод почти в полной тайне от окружающих, проталкиваемые влиятельными и решительными гражданскими служащими”*. На огромную роль чиновников в принятии нового социального законодательства указывал и американский учёный Б. Джилберт, связывавший это обстоятельство не только с *“административной революцией”* XIX в., но и с наличием у высших служащих рубежа веков опыта *“хождения в народ”*⁶³.

Обращая внимание на возросшую в английском обществе самостоятельную роль профессионалов, российский историк пишет: специалисты конца XIX в. *“внесли существенный вклад в процесс реформирования английского общества. Административные и университетские реформы осуществлялись в значительной степени под влиянием и в духе профессиональной идеологии”*. Что касается партийно-политической ориентации профессионалов, то её трудно идентифицировать, ибо даже в XX в. последние *“опасаются связывать себя с жёсткой партийной линией”*⁶⁴.

Заслуживает внимания и замечание М. Белоффа о том, что в межвоенный период высшая гражданская служба Британии достигла, *“возможно, пика своего корпоративного влияния”*. Белофф не сомневался, что *“раньше или позже административная история будет написана”*⁶⁵. Но пока приходится констатировать: хотя *“влияние на ход политики отношений между министрами и не-*

⁶² Сноу Ч. П. Две культуры. М., 1973. С. 76.

⁶³ Gilbert B. V. The Evolution of..., p. 7, 44.

⁶⁴ Фадеева Л. А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь. 1995. С.99-100.

⁶⁵ Beloff M. The Whitehall Factor: The Role of the Higher Civil Service 1919 – 39 // The Politics of Reappraisal 1918 – 1939. Ed. by G. Peele and C. Cook. L., 1975, p. 210, 209.

сменяемыми чиновниками может дать интересное исследование”⁶⁶, эти сюжеты освещаются слабо.

Данное исследование не преследует цель восполнить пробел английской административной истории. Хочется лишь подчеркнуть возможность и обоснованность абстрагирования от партийных аспектов государственной деятельности не только юристами, но и историками.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на примере конкретного исторического периода комплексному анализу подвергнута политика центральных органов власти Великобритании в отношении такой специфической социально-возрастной категории населения, какой является молодёжь. При этом

уточнён характер образовательной политики, проводимой государственными органами в период между принятием крупнейших в истории Великобритании законов об образовании – 1902 и 1944 гг.;

впервые проанализирована деятельность властей, направленная на создание условий материального существования учащейся и трудящейся молодёжи, соответствующих реалиям первой половины XX в.;

вскрыты причины учреждения британской Молодёжной службы и механизм функционирования этой структуры, остававшейся долгое время уникальной в мире;

опровергнут ряд распространённых в отечественной социально-гуманитарной мысли стереотипов, связанных с характером и содержанием гражданского воспитания в школах и добровольных молодёжных организациях как самой Британии, так и других стран Запада.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные научные выводы могут быть использованы в деятельности российских органов законодательной и исполнительной власти, занятых разработкой и реализацией молодёжной политики. Конечно, новые поколения, существующие в иных исторических условиях, не могут осуществлять свою деятельность по образцам аналогичных событий в прошлом. Тем не менее они могут и должны использовать накопленный предшественниками опыт восприятия реальности и учитывать его при определении целей и методов достижения тех или иных результатов.

Работа состоит из введения, 10 глав, заключения и списка источников с литературой.

Основное содержание диссертации

Во введении определяются предмет и задачи исследования, его хронологические рамки, теоретические основы, степень изученности темы, характеризуются источники, а также уточняется понятийный аппарат. Знание значения термина “в принципе”, но не применительно к конкретным социальным ситуациям может вызвать большую путаницу. Сказанное особенно верно, когда речь

---

⁶⁶ Lester Smith W. O. Education in Great Britain. L., N. Y., Toronto, 1949, p.117.

идёт о британской школе, в которой привычные для нас и европейцев понятия означают часто “совсем не то”.

Глава 1 “Молодёжь и общество рубежа веков” состоит из параграфов: “Открытие” феномена юности”, “Англо-бурская война и кампания за повышение национальной эффективности”, “На пути к новой реформе школы”.

С вступлением английского общества в индустриальную стадию развития процесс социализации молодого поколения резко усложнился. Филантропические круги пытались облегчить этот процесс, создавая с 1840-х годов молодёжные организации, а с 1860-х годов – молодёжные клубы. Ослаблению остроты проблемы безнадзорности детей и молодёжи способствовало и интенсивное формирование с конца XIX в. корпоративной пролетарской культуры. Но главным фактором, улучшившим условия, в которых проходило становление молодёжи, явилась деятельность государственных структур и создание после 1870 г. всеохватывающей системы школьного образования.

Акт Форстера 1870 г. не был законом о всеобщем обязательном обучении, но уже к началу XX в. всеобщее образование стало в Англии реальностью, причём в объёме 7 – по европейским понятиям – классов. В итоге *каждый* молодой человек стал переживать период “ролевого моратория”, в течение которого он примерял различные взрослые роли, но ещё не идентифицировался с ними окончательно. Это увеличивало степень свободы личности в будущем, но одновременно повышало и степень независимости молодёжи, её изолированности от родителей и взрослых.

Подтверждением служили процессы, наблюдаемые в среде *подростков*. По мере удлинения периода обязательного школьного обучения те стали всё заметнее обособляться. На рубеже веков обозначились признаки формирования молодёжных субкультур “слогз” и “скаτζ”. Их появление сыграло немалую роль в том, что общество и государство наконец-то “обнаружили” отрочество. Но окончательно они заговорили о молодёжной проблеме под влиянием войны 1899 – 1902 гг., заставившей усомниться в эффективности самой “английской системы”.

В ходе развернувшейся в разгар войны кампании за повышение национальной эффективности в центре внимания оказались вопросы, жизненно важные в первую очередь для детей и молодёжи. Трёхтомный отчёт 1904 г. Межпарламентского комитета по вопросам ухудшения состояния нации касался преимущественно физического состояния, питания, условий жизни и труда детей. Рекомендации комитета о введении медицинского осмотра учащихся и питания нуждающихся школьников совпали с выводами королевской комиссии, что была создана с целью введения в школах Шотландии продолжительного курса физической культуры, способного стать “одним из источников национальной силы”.

Огромную роль в привлечении внимания к молодёжи и её проблемам сыграли медики и учёные, особенно из числа тех, кто разделял бихевиористские и социал-дарвинистские представления. Первая крупная серия работ о положении и поведении детей и подростков закрепила в общественном сознании

мысль, что подростки остаются “трудными” независимо от их классового происхождения и требуют к себе особого внимания.

В итоге правящая элита склонилась к проведению тех мероприятий, на которых давно уже настаивали социалисты.

Активная деятельность государства в сфере молодёжных интересов начнётся с области образования. Сбои в процессе социализации требовали усиления эффективности нравственно-идеологической стороны обучения, а утвердившаяся система всеобщего “элементарного” обучения – надстройки в виде среднего и специального образования. В главе анализируется состояние разного типа “свободных” и государственных школ, а также послешкольного образования и выясняются те обстоятельства, что потребовали нового реформирования просвещения в 1902 г.

Находившиеся у власти в 1895 – 1905 гг. консерваторы предприняли попытку реформы образования, движимые в первую очередь стремлением к рационализации государственного управления. Но они столкнулись с сопротивлением лейбористских кругов, к которому не могли не быть чувствительны оказавшиеся в оппозиции либералы. В законах 1897 – 1899 гг. лейбористы увидели стремление тори подорвать влияние школьных советов – этих “оплотов социализма”. Главное же, оппозиция не могла согласиться со стремлением ограничить реформу школы одной лишь рационализацией. В главе кратко рассматривается видение этой реформы активистами рабочего движения. Если лидеры БКТ, поддерживаемые Дж. Гобсоном, требовали с 1905 г. обеспечения доступа к среднему и техническому образованию всем *желающим*, то С. Вебб отстаивал идею “образовательной лестницы”, создающей для *способных* детей из низов условия для беспрепятственного получения образования, начиная со среднего и кончая университетским. Несмотря на разность подходов к решению ряда вопросов, требование лейбористов обратить внимание на положение детей и молодёжи стало в начале XX в. чрезвычайно настойчивым, чему способствовало как осознание рабочим движением своей силы, так и отмеченное признание официальными кругами плачевного положения в области благосостояния масс. Совпадение позиций разных социальных сил и идейно-политических течений страны, достижение между ними компромисса обеспечили успех реформаторства прошлого века и позволяли надеяться на его возможность в сфере молодёжной политики и в условиях XX в.

Глава 2 “Рост внимания к вопросам благосостояния молодёжи” содержит параграфы: “Учреждение школьных служб питания и здоровья” и “Повышение степени социальной защищённости детей и молодёжи”.

Создание нормальных условий для становления молодого человека требовало прежде всего нового законодательного ограничения труда малолетних и подведения под законы о всеобщем школьном обучении необходимой материальной базы. Закон 1901 г. о труде женщин, молодёжи и детей, а также закон 1903 г. о найме детей запретил принимать на работу лиц младше 12 лет, ограничил подработки школьников и установил продолжительность рабочей недели *тружеников в возрасте до 18 лет* максимум 60 часами.

Новый Междепартаментский комитет занялся весной 1905 г. рассмотрением вопроса о медицинском осмотре и питании учащихся общественных “элементарных” школ. Принятое в том же году правительственное распоряжение “Помощь (школьникам)” предписывало оказывать нуждающимся учащимся материальную помощь – пока что по закону о бедных.

В 1906 г. либералы и лейбористы внесли в парламент 2 законопроекта о школьных обедах. Прошёл лейбористский законопроект, явившийся одной из первых успешных инициатив только что образованной ЛПВ и ставший первым в ряду 6 крупных социальных законов, принятых в период правления либералов в 1906 – 14 гг. Этот закон привнёс в законодательство новый принцип об ответственности общества за нищету. Местные власти получили право финансировать общественные ассоциации, организующие школьное питание, а также кормить нуждающихся школьников за счёт собственных средств. В 1911/12 г. организацией питания учащихся занимался уже 131 из 322 местных органов просвещения (ЛЭК).

Далее в диссертации прослеживается аналогичный процесс создания в 1907 – 1912 гг. школьной службы здоровья. Весной 1914 г. медицинскую помощь школьникам оказывал 241 ЛЭК из 317, а 53 ЛЭК оплачивали лечение школьников в “общественных” госпиталях. В межвоенный период, несмотря на ситуацию экономического кризиса (и во многом именно благодаря ей) школьная медицинская служба ещё более расширится: если в 1920 г. она поглощала 1,8 % расходов на образование, то в 1940 г. – 3,4 %. На 5 школ приходился примерно 1 медицинский работник, а на 10 школ – 1 школьная клиника, хотя из-за сопротивления врачей-частников лечение учащихся проводилось в основном ими – с соответствующей оплатой услуг ЛЭК.

С начала XX в. предпринимается новая серия мер по повышению степени защищённости детей и подростков не только от материальных лишений, но и от других неблагоприятных жизненных обстоятельств. Важнейшим из этих мер стал закон 1908 г. о детях, сведший воедино как минимум 37 парламентских актов предыдущего периода. Границы возрастной группы, находящейся под пристальным контролем государства, были расширены: детьми отныне считались лица в возрасте до 14, а не до 12 лет. С 7 до 8 лет был поднят порог, начиная с которого ответственность за содеянное нёс сам ребёнок, а не его родители. Было ужесточено наказание за плохое обращение с несовершеннолетними и запрещён целый ряд новых действий из числа способных оказать отрицательное влияние на нравственное и физическое здоровье молодёжи.

Признание того, что беды детей проистекают из пагубного окружения и неблагоприятных социально-экономических обстоятельств, приводит к дальнейшей гуманизации обращения с несовершеннолетними правонарушителями. В 1907 г. для них учреждается прообраз “тюрьмы без засова” – система “испытания”, а в 1908 г. – “юношеский суд”. Закон 1908 г. о предупреждении преступлений распространяет ряд послаблений, касавшихся ранее лишь лиц младше 16 лет, на молодёжь в возрасте до 21 года/23 лет.

Закон 1908 г. о детях и последующие акты о наказании малолетних правонарушителей нацелены были наряду с прочим на решение ещё одной задачи, суть которой можно свести к попытке трансформировать образ жизни и систему убеждений трудящихся. Эта попытка, сравнимая, по мнению исследователей, с происходившим в период индустриальной революции, выражалась в том, что власти всеми возможными способами *старались приучить детей к формам* проведения свободного времени, свойственным *взрослым представителям средних слоёв*.

Возросшая забота государства о молодёжи проявила себя и в изменении обращения с детьми “пауперов”. В 1913 г. правительство предписало *изъять детей* из работных домов, и в 1920 г. более 90 % несовершеннолетних, попадавших под действие законов о бедных, находилось уже вне этих домов – причём не обязательно в специализированных учреждениях (приютах). В годы правления либералов вырисовывается новое стратегическое направление социальной политики – сокращение числа лиц, существующих на пособие попечителей, за счёт введения обязательного государственного страхования. В бюджете 1909 г. впервые появилась статья о пособиях на детей. После мировой войны вариантом пособия на ребёнка станет детская надбавка к пособию по безработице. Пока же, с 1911 г. власти ставку стали делать на то, чтобы предоставить бедствующим родителям *попечительское* пособие, “достаточное” для проживания дома. Итогом должно было стать улучшение процесса социализации детей “пауперов”.

Под влиянием ухудшения ситуации на рынке труда в 1907 – 1909 гг. были предприняты также первые шаги в направлении профориентации и трудоустройства выпускников школ. В соответствии с законом 1909 г. о биржах труда стали создаваться Комитеты консультации подростков.

Усиление социального контроля над молодёжью, развитие социальных служб в сочетании с прогрессом трудового законодательства создавали условия и для более успешной реализации законов об образовании.

В главе 3 “Закон об образовании 1902 г. и его реализация” – 2 параграф: “Модернизация школы” и “Новые явления в области послешкольного образования”. В них анализируется как содержание Акта Бальфура, так и его воздействие на разные сектора системы просвещения.

2 июня 1902 г. палата общин утвердила закон, ставший основой развития системы образования Англии и Уэльса на целых 40 последующих лет. Ликвидировав школьные советы, закон передал их функции местным органам власти в лице местных комитетов образования. К ЛЭК перешло финансирование всех школ – за исключением частных. “Свободным” школам отныне предстояло изыскивать средства лишь на ремонт.

Продвинув дело создания единой общественной системы просвещения, Акт Бальфура стимулировал также развитие среднего образования: ЛЭК получили право финансировать средние школы, т. е. “школы науки” и “грамматические”, а случае их отсутствия создавать “продвинутые” отделения “элементарных” школ. Многочисленные правительственные дотации школам были заменены

всего двумя, что потребовало конкретизации самих понятий “среднее” и “элементарное” образование. Средним стало называться обучение “продвинутого” уровня, а водораздел между школами определялся так: “элементарная” школа не взимает плату за обучение и не имеет учащихся старше 16 лет, а средняя школа – наоборот, причём для поступления в неё требуется обучение в особой подготовительной школе. То, что закон закрепил параллельное развитие двух неравноценных систем школьного обучения, а также сделал уступки церковным кругам, привело к тому, что вряд ли какой другой Акт об образовании вызвал столь сильную оппозицию, как этот.

Оказавшиеся у власти с 1906 г. либералы смогли, однако, ослабить остроту проблемы доступа к среднему образованию – правда, не с помощью предоставления детям трудящихся стипендий для учёбы в средней школе (чего добивались профсоюзы и к чему склонялись сначала и сами либералы), а за счёт учреждения системы “бесплатных мест”. В 1907 г. была введена выгодная для средних школ повышенная правительственная дотация, условием получения которой являлось выделение 1/4 имеющихся мест для бесплатного обучения выпускников “элементарных” школ. Это увеличило среди учащихся средних школ как процент обучающихся бесплатно, так и долю выпускников “элементарных” школ.

Положительным после 1902 г. являлось и то, что школа окончательно встала на путь дифференциации обучения, переставая готовить своих питомцев “в никуда”. С 1906 г. стали создаваться “высшие элементарные” (“центральные”) школы с целью подготовки наиболее одарённых учащихся “элементарных” школ к работе в качестве низших служащих сферы коммерции и промышленности. Уклон школьного обучения становился тем неизбежнее, что система специального образования на всех его уровнях: низшем, среднем и высшем – в стране только создавалась.

Закон 1902 г. положил начало открытию специальных колледжей “дальнейшего образования”, реорганизации вечернего образования, совершенствованию системы подготовки учителей, расширению рядов университетов, развитию технических учебных заведений...

Курсы “дальнейшего образования” перемещаются из “элементарных” школ в технические колледжи и институты. В финансируемых правительством вечерних учебных заведениях изучается уже не один предмет, а “сгруппированный курс” и как минимум в течение 3 вечеров в неделю.

Область послешкольного образования: и “дальнейшего”, и “образования взрослых” – оставалась пока сферой преобладания общественных организаций. Но роль государства неуклонно возрастала. С 1907 г. власти приступили к финансированию тьюторских классов Ассоциации рабочего образования. За 1900 – 1910 гг. количество обучающихся “неочно” в системе “дальнейшего образования” возросло как минимум вдвое.

Влияние закона 1902 г. на судьбу высшего образования слабо осознавалось как историками, так и современниками, хотя Акт Бальфура породил “золотой век университетского строительства”. С 1903 г. был открыт ряд новых универ-

ситетских колледжей и 5 университетов, получивших название местных, гражданских. Вузы всё шире финансировались властями: университетские колледжи получали дотации Советов графств и парламента уже с 1889 г., а Оксфордский и Кембриджский университеты (Оксбридж) начнут субсидироваться правительством с 1917 г. За 1901 – 1925 гг. количество студентов-очников университетов более чем удвоилось. Затем рост студенческих рядов резко замедлится. Но в 1939 г. будет уже 49189 студентов, из которых 39950 обучалось в университетах.

“Бинарная” система высшего образования возникла в Британии не в 1960-е годы, а ещё в начале XX в. Но в лице новых вузов способный человек из низов, пожалуй, впервые получил ту “образовательную лестницу”, что могла поднять его наверх, тем более, что с начала века стала создаваться современная система стипендий. В 1902 – 20 гг. утвердилось 3 вида школьных и вузовских стипендий в Лондонском графстве. В 1920 г. впервые будут введены государственные (точнее, правительственные) стипендии для студентов университетов. В 1935/36 г. стипендии получало: в Англии 38,5 %, а в Уэльсе 57 % студентов. И всё же в 1927 – 47 гг. в университет смог поступить всего лишь 1 из 150 учеников “элементарных” школ – по сравнению с 1/8 учащихся чрезвычайно престижных и дорогостоящих паблик школ.

Более доступным было педагогическое образование. Закон 1902 г. положил начало созданию государственных учительских колледжей. К 1939 г. их будет основано 29, и это увеличит число педагогических вузов до 83. Соответственно возрастет и число студентов-педагогов: с 5800 в 1902 г. до 19585 в 1932 г. К 1939 г. педагогические факультеты будут созданы также во всех 12 университетах и 5 университетских колледжах страны.

Акт Бальфура явился первым в истории Великобритании законом, имевшим дело с образованием как с неким единым целым. Обеспечив в этой области значительный прогресс, он способствовал также подкреплению образовательной функции школы функцией воспитательной.

Глава 4 “Поиск средств гражданского воспитания” содержит 3 параграфа: “Модель “либерального” образования”, “Становление современного добровольного молодёжного движения”, “Скаутизм и его жизненная философия”. В главе анализируется работа школы и молодёжных организаций по формированию у молодых людей гражданской позиции, а также поиск новых организационных форм работы с молодёжью. Рассматривается в основном период до 1914 г., но частично и более поздний.

В условиях необходимости усилить социализирующую функцию образования министерство просвещения впервые обнародовало в 1903 г. своё видение целей школы, обращая внимание не на усвоение быстро устаревающих знаний и навыков, а на воспитание качеств, позволяющих шагать в ногу с прогрессом, и главное, жить в сообществе рядом с другими. Последнее – формирование гражданского сознания и поведения или “либеральное” образование – рассматривалось в качестве одной из главнейших задач. В главе анализируются аргу-

менты некоторых политических деятелей и учёных в пользу необходимости гражданского воспитания и постановка проблемы в официальных документах.

Вопрос, каким образом осуществлять гражданское образование, – дискуссионный до сих пор. Спор вызывает прежде всего то, нужны предметы типа “граждановедения” или нет. С 1894 г. в программе вечерних школ Британии появился курс “Обязанности гражданина”. Но в итоге в XX в. возобладал взгляд, что “гражданственности лучше учить посредством обычных школьных предметов”. В работе рассматриваются доводы сторонников и противников этого подхода.

Термин “гражданское образование” как нельзя лучше отражает в Британии суть того, что во многих других странах считается образованием политическим. Созданная поздно, государственная система школьного образования с самого начала развивалась в условиях двухпартийности, и возможно, именно поэтому школу постарались удержать вне политики. Сказалось и то, что английское общество до сих пор идентифицирует себя с политическим миром посредством традиций и обычаев. Полная беспристрастность власти, конечно, невозможна, но по крайней мере Совет образования стремился нацелить на воспитание молодёжи в духе приверженности общечеловеческим ценностям, а не религиозным, политическим и иным партикулярным нормам. Либеральное образование определялось властями как “формирование нравственных качеств, необходимых гражданам демократии, снабжение знаниями о современном мире”.

Говоря о формировании у молодёжи гражданских качеств, Совет образования лишь перечислял основные из них. Наполняли конкретным содержанием такие понятия, как “гражданский долг”, преподаватели, которые в силу широкой самостоятельности британской школы активно использовали в своей работе “внешние” по отношению к системе образования источники – например, разработки учёных, обосновывавшие идеал гражданина.

Наряду со школой активно гражданским образованием занимались добровольные молодёжные организации.

Проблеме организации молодого поколения с конца XIX в. стало уделяться повышенное внимание. С объединением молодёжи в различного рода союзы заинтересованные в стабильности общества силы связывали большие надежды – и не только потому, что организации воспитывали. Считалось: лояльность молодёжи по отношению к “своей” организации способна переноситься на общественные институты. Государственные структуры участия в создании молодёжных организаций по-прежнему не принимали, поддерживая только кадетские подразделения, разросшиеся с началом англо-бурской войны благодаря подъёму национализма.

В главе прослеживается воздействие обстановки националистического уга на работу с молодёжью. Объявив в 1910 г. о казначейском субсидировании кадетских подразделений, военный министр предложил зарегистрироваться в качестве таковых “униформенным” организациям, угрожая в противном случае лишить их доступа к армейскому имуществу. Это приглашение-предписание

было адресовано в первую очередь Бригаде мальчиков – самой крупной молодёжной организации страны. Но создатель Бригады Смит отверг его. Уильямом Смитом были заложены основы фактически нового направления молодёжного движения – добровольного, преследующего задачу воспитания в первую очередь не отличных солдат и даже не добродетельных христиан, а полезных для общества граждан.

В главе проводится мысль, что в это направление с самого начала вписывалось и скаутское движение, обязанное своим рождением в 1908 г. генералу Бейден-Пуэлли. Последний предложил систему воспитания с помощью природы, тесного дружеского общения в компании из 6 – 8 человек (своего рода реер групп), а также с помощью “работы на благо общества”.

Сведя воедино важнейшие из норм, пропагандировавшиеся молодёжными организациями, Бейден-Пуэлл сформулировал скаутский кодекс чести, нацеленный на благородство мыслей и поступков, требовавший от подростков самодисциплины и постоянной работы над собой – особенно для приобретения тех нравственных качеств, без которых невозможно человеческое сообщество. Скаутизм стал и одной из первых крупномасштабных попыток реализации идеи “Назад, к природе!”.

Благодаря главным образом скаутам численность полувоенных и “униформенных” молодёжных организаций за 1908 – 1912 гг. почти удвоилась. Не без участия государства в годы первой мировой войны стали складываться условия для повышения степени организованности молодёжи.

Обеспокоенный масштабами подростковой преступности, министр внутренних дел основал в 1916 г. постоянный Комитет молодёжных организаций, а Совет образования призвал ЛЭК заняться созданием условий для разумного использования молодыми людьми их свободного времени. Так в самый разгар первой мировой войны государство сделало свой первый шаг в направлении подключения к внешкольной работе с молодёжью, которой ранее в соответствии с либеральной традицией XIX в. занимались исключительно негосударственные структуры.

В главе 5 “Общие условия проведения молодёжной политики в межвоенный период” рассматриваются факторы, породившие волну интереса к проблемам положения молодёжи сначала на рубеже 1910 – 20-х годов, а затем в середине 30-х годов, а также причины и последствия спада этого интереса в промежутке между “волнами” – в условиях полуторадесятилетней “великой депрессии”. Глава состоит из параграфов: “Первая волна послевоенной реконструкции”, “Обострение молодёжного вопроса” и “В поисках эффективной социальной технологии”.

Война не только нарушила сложившийся процесс социализации молодого поколения, но и породила особое “молодёжное сознание”, являвшееся первоначально мироощущением бывших фронтовиков, вследствие чего в 20-е годы молодёжь впервые выступит на британской сцене в качестве особого культурного и политического феномена. Война обнажила также связь между эффективностью предпринимаемых нацией усилий и уровнем общекультурной и

специальной подготовки населения. Заставила она осознать и огромную гармонизирующую роль образования в жизни общества.

Уже в 1916 г. был учреждён Совет по реформе образования, а затем комитет по проблемам развития после войны подросткового образования. К изучению вопроса о занятости подростков на производстве во время войны и после её окончания приступило министерство реконструкции.

Не дожидаясь окончания войны, парламент утвердил в июле 1918 г. новый закон об образовании, приняв в развитие его в 1921 г. ещё один Акт. Верхняя граница обязательного школьного обучения была поднята до 14 лет и поставлена задача обеспечить обучение молодёжи, уходящей из школы на производство, как минимум до 16-летнего, а через 7 лет – до 18-летнего возраста. Предприниматели были обязаны отпускать молодёжь с работы для занятий в “школах для взрослых” в течение одного дня недели.

С конца войны впервые серьёзно начинает решаться проблема занятости молодёжи. Осенью 1918 г. утверждается план организации учёбы 14 – 18-летних безработных. С целью ослабления остроты проблемы занятости и в развитие законодательства об охране труда в 1920 г. принимается новый закон “О молодых людях и женщинах”.

Поддержав в 1922 г. образование Национального союза студентов и Уэльской лиги молодёжи, создав в 1925 г. Британскую федерацию молодёжи, власти пытаются установить контроль над молодёжным движением.

Но на смену бурным “послеоктябрьским” годам пришли обычные – “мирные” – времена, и возникшая проблема неконформизма молодого поколения потеряла, казалось, свою актуальность. Это не могло не внести изменений в политику властей. Изменения становились тем неизбежнее, что с конца 1920 г. страна вступила в полосу экономических потрясений.

Первый послевоенный кризис не повлёк за собой промышленного подъёма, а положил начало почти 15-летнему периоду экономической нестабильности. Не успела британская экономика преодолеть затяжной спад 20-х годов, как вместе с экономикой всего Запада оказалась в водовороте мирового кризиса 1929 – 32 гг. Рост промышленного производства начался только в 1934 г., породив при этом, правда, бурный промышленный подъём 1934 – 39 гг. Но даже в разгар его уровень безработицы превышал 12 %.

Отсюда изменение приоритетов молодёжной политики. С 1921 г. на первый план государственной деятельности выдвинулась материальная поддержка детей безработных и помощь молодёжи в трудоустройстве, временами затмевавшие собой практически всё. Неизбежным результатом этого “перекоса” внимания властей, как и следствием общей кризисной ситуации в стране стало усугубление остроты целого ряда молодёжных проблем. Страна возвращалась к временам нещадной эксплуатации подростков. Ухудшалось физическое состояние подрастающего поколения. На протяжении почти всех 30-х годов повышался уровень малолетней преступности. Тревогу вызывала и разочарованность части молодёжи в институтах демократии, на почве чего набирал силу левый и правый экстремизм.

Как следствие, проблема нравственного, интеллектуального и физического облика молодёжи оказалась в 30-е годы в центре внимания общественности, государственных органов, научной мысли страны. В главе прослеживается ход первой поистине общенациональной дискуссии по молодёжному вопросу, которая развёртывалась на фоне общих размышлений по поводу перспектив развития западного общества, цивилизации и при постоянном сопоставлении “трёх активных социальных экспериментов мира: коммунизма, фашизма/нацизма и демократии”. Лейтмотивом дискуссии являлся поиск эффективной “социальной технологии”, способной сохранить в обществе стабильность.

Осознавая переломность переживаемого момента и определяя его чаще всего как наступление “второй индустриальной” эпохи либо как возникновение “массового общества”, британские интеллектуалы указывали: внутри “западных демократий” действуют те же самые силы, что породили тоталитаризм, а поэтому необходим отказ от принципа автоматического саморегулирования общественных процессов, а также изменение метода господства. Поскольку “бездумное повиновение подчинённых масс более невозможно”, требуется “научиться править с согласия управляемых”.

Поиск эффективных средств социального контроля породил рекомендации, одни из которых станут реализовываться уже в 30-е годы, а другие – несколько позже. Среди них выделялись предложения либерализации общественной морали, повышения степени организованности масс, введения обязательного религиозного образования, усиления нравственно-идеологической и политиковоспитательной функции школы.

Хотя образовательное воздействие на молодёжь по-прежнему рассматривалось в качестве основного, одновременно проявилось осознание и того, что никакая школа “не в состоянии сохранить эмоциональную стабильность и нравственное единство общества”, если не удастся “сдерживать социальные влияния, дезорганизующие общественную жизнь”. Отсюда: необходимо, чтобы молодёжь “получала должную заботу о своём теле, гарантию работы и соответствующую подготовку своего ума”.

По мере выхода экономики из кризиса этот подход к сути и содержанию молодёжной политики стал воплощаться в жизнь. Признаком начала нового тура реформ может считаться закон 1933 г. о детях и молодых людях – основополагающий Акт парламента, обновляемый в XX в. раз в 30 – 40 лет. В 1934 г. на лиц старше 14 лет распространяется страхование по безработице. Актом о торговле 1934 г. и фабричным законом 1937 г. сокращается продолжительность рабочей недели молодёжи. С 1938 г. отмечается рост относительной оплаты труда несовершеннолетних.

Совершенствуя трудовое и социальное законодательство, тори одновременно ввели в 1935 г. обязательное для учащихся из малоимущих семей бесплатное питание, а в 1936 г. учредили Постоянно действующую конференцию добровольных молодёжных организаций и предприняли попытку новой реформы школы. Возврат к проведению комплексной государственной политики в от-

ношении молодёжи проходил под влиянием опыта тоталитарных держав и под давлением организованной части молодёжи.

Глава 6 “Молодёжное и студенческое движение Великобритании межвоенного периода” состоит из 2 параграфов: “Складывание левого фланга молодёжного движения” и “Ситуация в вузах и студенческой среде”.

Взяв негласное обязательство не втягивать школу в политику, основные политические силы британского общества не отказывались от борьбы за молодёжь. В главе показывается, как рабочие активисты пытались противопоставить буржуазным юношеским объединениям социалистические воскресные школы, Подростковые кооперативные клубы, общества “Скауты “Клэрион”, “Скауты Независимой рабочей партии (НРП)” и др. Однако воспитательно-досуговую функцию лучше всех выполняли буржуазные объединения. И дети рабочих в конечном счёте оказались в них.

Иначе, с точки зрения заинтересованных в сохранении статус-кво сил, выглядела ситуация на политическом фланге молодёжного движения.

Стремясь удержать от вмешательства в политику тех, кого сам возраст побуждал к поиску крайних решений, консерваторы ориентировали свои молодёжные объединения на неполитическую деятельность. Их примеру следовали лидеры ЛПВ. Создав наконец-то в 1926 г. Лейбористскую лигу молодёжи, они не смогли, однако, предотвратить скатывания лиги на радикальные позиции, а главное, не сумели обеспечить её массовость. Левая молодёжь устремилась в леворадикальные группировки, наиболее активной из которых был созданный в 1921 г. Коммунистический союз молодёжи (КСМ). Весной 1925 г. в Гильдию молодёжи объединила своих молодых сторонников НРП, стоявшая на крайнем левом фланге ЛПВ.

В 30-е годы появился ряд новых леворадикальных организаций, традиционно ориентирующихся на молодёжь. Но они оказались немногочисленными. Не смогли привлечь на свою сторону молодое поколение и английские фашисты. Молодёжь осталась в основной своей массе на позициях приверженности существующему порядку, но с условием быстрее реформирования общества в направлении достижения всеобщего благосостояния. О распространённости этого требования свидетельствовал возникший “единый фронт” молодёжи, причём не только трудящейся (как о том мечтали лидеры КСМ), но и учащейся молодёжи – “фронт” ярко выраженной реформистской направленности.

Созданная в 1936 г. для проведения совместных акций по вопросам мира Мирная ассамблея британской молодёжи сразу же обратилась к положению молодого поколения в обществе. Обнародованная ею в 1937 г. Хартия молодёжи во имя мира и социальной справедливости являлась ничем иным, как требованием превратить Англию действительно в образец демократии.

Процессы, происходившие в молодёжной среде, в вузах проявлялись не менее выпукло, хотя студенчество продолжало оставаться элитарным. Воспитывавшиеся традиционно в приверженности к формуле: люди рождаются, чтобы стать либо либералами, либо консерваторами, студенты после 1918 г. качнулись в сторону ЛПВ. Считается, что с 1923 – 24 гг. ситуация в вузах вновь из-

менилась – произошёл “резкий уклон в консерватизм”. Даже если это так, университетская молодёжь оставалась менее консервативной, чем прежде. Все 20-е годы в её среде не прекращался поиск ответов на мучившие общество вопросы, что особенно ощущалась в ходе обсуждения экономических проблем. Судя по дебатам студенческих обществ 1928 – 29 гг., студенты осуждали “либеральную” экономическую политику консервативных правительств и склонялись к поддержке кейнсианцев, настаивавших на государственном регулировании частного предпринимательства.

Окончательно изменил студенчество мировой экономической кризис 30-х годов, вызвавший в вузах уникальные процессы, которые более в таких масштабах не повторяются даже в период “молодёжной революции” 1960-х годов. Вместе со всей интеллигенцией студенчество повернулось к марксизму. И опять, как и в случае с невузовской молодёжью, студенческие радикалы оказались оттеснены на второй план, что показал Британский студенческий конгресс весны 1940 г.

Заявившее о себе в 30-е годы организованное молодёжное движение стало новым фактором британской политики, потребовавшим корректив как молодёжной, так и всей государственной политики.

В главе 7 “Либеральное образование: дискуссии и подвижки 20 – 30-х годов” рассматривается поиск общественно-политической мыслью страны идеала “гражданина-демократа” и способов его воспитания, модернизация в связи с этим преподавания истории, а также пропаганда в молодёжной среде идей Лиги наций и интернационализма.

В параграфе 1 “Борьба за гуманитаризацию школьного обучения” показывается, как в условиях отставания Британии в научно-технической области рождалось вполне понятное стремление переориентировать массовую школу на точные науки. Однако значение гуманитарного знания удалось сохранить и даже повысить. Особенно возросла в школе роль уроков истории, всё чаще приобретающих обществоведческую направленность. Роль той компоненты образования, что принято называть “либеральной”, усилилась и в связи с постепенным переходом государственных школ к религиозному обучению на основе согласованных разными конфессиями программ. С 1944 г. религиозное обучение в школах станет обязательным.

В параграфе 2 “Британский вариант индоктринации” речь идёт о том, что в период тоталитарных диктатур “либеральное” образование стало учитывать запросы политики, хотя и оставалось по-прежнему ярко выраженным гражданским образованием. Ставилась задача воспитания уже не просто “свободной личности свободного общества”, а “воинствующего демократа”, руководствующегося вполне определёнными идеями и идеалом. В работе показывается процесс теоретического поиска последних и подчёркивается, что выработанное в 30-е годы представление о содержании “образования в интересах демократии” в основе своей совпало с той моделью, что будет принята в объединённой Европе в 60-е годы.

В параграфе 3 “Воспитание нового патриотизма” содержится анализ активно развернувшейся после первой мировой войны работы по формированию у молодежи сознания “граждан мира”. Унесшая миллионы жизней, война со всей остротой поставила вопрос: как так организовать воспитание, начиная с раннего детства, чтобы национальное чувство не содержало противопоставления другим нациям, не порождало агрессии. Активисты Национального союза учителей, члены комитета Хэдоу, Совет образования полагали: требуется прежде всего отказаться от узкого этноцентризма в процессе школьного преподавания. В параграфе показан сдвиг в сторону интернационализации учебного курса истории, пропаганда идеи “растущей взаимозависимости сообществ”, а также деятельность, призванная познакомить молодежь с целями и деятельностью Лиги наций, которую проводила как школа, так и Союз Лиги наций.

Оценить результаты просветительской работы непросто, ибо изменение стереотипов массового сознания – процесс длительный и сложный. Тем не менее вряд ли кто-либо решится отрицать, что развёрнутое в британском обществе воспитание “граждан мира” и граждан-демократов принесли свои плоды. В 1945 г. молодежь мечтала не о том, чтобы “заставить раскошелиться бошей”, как это было в 1918 г., а о новом обществе и новом мировом порядке, при котором “навсегда будет положен конец войне”.

В главе 8 “Государственная политика в сфере материального обеспечения и занятости молодежи” рассматриваются предпринимавшиеся властями попытки ослабления негативного воздействия на молодежь ситуации массовой безработицы 20 – 30-х годов.

В силу изменения квалификационной структуры рабочей силы молодежь оказалась на рынке труда в межвоенный период в более благоприятном положении, чем взрослые. Однако, как показывается в параграфе 1 “Создание современной системы социального обеспечения безработных и членов их семей”, от 1/10 до 1/7 выпускников школ тех десятилетий в первые 4 – 6 лет самостоятельной трудовой жизни побывали в рядах безработных. В “депрессивных” же районах этот показатель доходил до 1/2 и выше.

Старые средства социальной защиты оказались непригодны, и парламент только за 1920 – 27 г. принял минимум 12 законов, направленных на создание современной государственной системы страхования по безработице. Нововведения не в последнюю очередь предназначались для молодых безработных. Но молодежь сильнее других пострадала и от тех ограничений, что были введены на получение пособий по безработице в 1931 – 35 гг. Особенно пагубной с точки зрения не только безработной, но и всей молодежи оказалась “проверка нуждаемости”. Понизив уровень потребления семей, имеющих безработных, она одновременно усилила межпоколенческие трения внутри многих из них. Но с выходом экономики из кризиса приоритеты оказания помощи безработным стали меняться: ранее государство поддерживало главным образом *глав семей*, теперь всё чаще – и тех, кто только начинал жить самостоятельно, хотя первым проявлением заботы о последних, как и о всём молодом поколении, можно

считать уже введённые в ноябре 1921 г. надбавки на детей к пособию по безработице.

От 1/5 до 1/4 всех детей проживало в разгар кризиса в семьях с доходом, недостаточным даже для приобретения минимума продуктов. Осознание масштабов детской нищеты, как и остроты демографической проблемы привело к появлению уже в “народном бюджете” 1909 г. статьи расходов, связанной с выплатой *государственных* пособий на детей. В широких масштабах государственная, т. е. отличная от попечительской, помощь детям была оказана впервые семьям погибших в 1914 – 18 гг. Дети безработных стали следующей многочисленной группой, получившей материальную поддержку государства. Причём пособия взрослых безработных в 20 – 30-х годах периодически урезались, а *детские надбавки к ним оставались неизменными*. Этот вид помощи дополнялся бесплатным питанием учащихся.

Детские надбавки имеют самое прямое отношение к молодёжной политике: они улучшали обстановку, в которой проходило *становление молодёжи*, а также повышали одновременно уровень жизни той её части, которую принято называть *молодыми взрослыми*. (Семейными в 1931 г. являлось 53,1 % занятого населения возраста 25 – 29 лет и 16, 9 % возраста от 21 года до 24 лет). Наличие детских надбавок к пособию по безработице (как и наличие доплаты на жену) позволяло реализовать свои планы молодым безработным, *намеревавшимся вступить в брак*.

Материальная помощь безработным была, конечно, минимальной. А так как нищета в цивилизованных странах – не абсолютное, а относительное понятие, бедных в Британии было очень много. Но *нищета в проявлениях XIX в.*, несмотря на глубочайший кризис экономики, всё же не вернулась.

Отсутствие работы пагубно, однако, не только своими материальными лишениями. Наука того времени только приступала к изучению механизма воздействия безработицы на личность. Но и так было ясно, что воздействие это разрушительно, особенно, если печальный опыт приобретается в решающем для формирования человека возрасте. Как следствие, работа с молодыми безработными становится одним из приоритетных направлений социальной политики государства. Она рассматривается в параграфе 2 “Концепция работы с юными безработными и её реализация”.

Власти переключают находившуюся в зачаточном состоянии службу профориентации и трудоустройства молодёжи на помощь безработным. Созданный в 1926 г. Национальный консультативный совет по проблемам трудоустройства и безработицы подростков, курируя работу местных комитетов, основывает Юношеские центры обучения (ЮЦО).

Названные центрами обучения, ЮЦО не давали специальности, за что критиковались и многими современниками, и учёными. Но Национальный консультативный совет считал: из-за развития массового производства большинство выпускников школ будет зарабатывать себе на жизнь бесперспективным трудом в качестве “специализированных” рабочих, которым профподготовка просто не требуется. Поэтому ЮЦО сосредоточили усилия на общем образова-

нии молодых безработных, а также на организации их досуга. Последний для посетителей центров имел самодовлеющее значение – все они были без работы. Но умение организовать свой досуг должно было помочь молодёжи и в будущем, ослабляя негативные последствия растущего отчуждения труда. Таким образом, данное направление политики властей преследовало не только сиюминутные, но и долгосрочные цели, чего нельзя сказать о политике трансфера.

За 1930 – 37 гг. из “депрессивных” в “процветающие” регионы было переброшено 90 тыс. безработных – в основном молодых. Власти обязаны были обеспечить их работой, открывающей перспективу постоянной занятости и профессионального роста. Но таковой почти не было. “Перемещение” также ослабляло семейные узы, социальный контроль над молодёжью. Оно, наконец, грозило превратить старые индустриальные районы в регионы окончательно угасшей экономики, населённые одними пенсионерами.

Более эффективным в борьбе за повышение занятости населения могло стать продление на год обязательного школьного обучения, отстаиваемое педагогами и профсоюзами. Но как в условиях кризиса обеспечить финансирование данной меры – это оставалось неясным. Что же касается такого эффективного, как показал опыт других стран, средства борьбы с кризисом и безработицей, каким являются общественные работы, то оно в Британии широко не обсуждалось.

Совместными усилиями государство и общество помогли безработным пережить тяжёлую пору жизни. Со временем все бывшие молодые безработные нашли работу, но они заняли, как правило, “тупиковые” рабочие места, не открывавшие никакой перспективы. В этих условиях чрезвычайно важным для трудящейся молодёжи становилась возможность получения общего и специального образования. Власти стремились её создать, понимая, что в противном случае нация будет деградировать.

Глава 9 “Сдвиги в области общего и профессионального образования” состоит из 2 параграфов. В параграфе 1 “Школа в условиях режима экономии 20 – 30-х годов” рассматривается, с одной стороны, порождённая кризисом правительственная экономия в сфере просвещения, а с другой – поиск новой модели школы и подвижки на пути к ней.

Реализация законов об образовании 1918 и 1921 гг. должна была положительно сказаться на процессе социализации молодёжи. Но уже в 1922 г. школа попала под “топор Гедиса”. Прерванная в 1927 г., жесточайшая экономия в 1931 г. возобновилась и продолжалась вплоть до 1934/35 г. Несмотря на это, ежегодные ассигнования на просвещение за межвоенный период возросли. Уменьшилась наполняемость классов, началось строительство школьных спортплощадок, государственных детсадов. Положительной с многих точек зрения была динамика развития среднего образования. Имелись и другие позитивные сдвиги, трудно улавливаемые нашим сознанием, сориентированным на революционные изменения. Так, повышение с 1918 г. роли Совета образования в финансировании школы ослабило её зависимость от состояния местных

бюджетов, что в условиях появления бедствующих районов сыграло в разгар кризиса огромную роль.

Весь межвоенный период не прекращалась работа и по структурной перестройке школьного образования. Из-за широкой самостоятельности английской школы, чрезвычайно чувствительной к состоянию общественного мнения, выводы авторитетной комиссии в ней могут выполняться чуть ли не с такой же почтительностью, что и закон. Именно так произошло в межвоенный период с рекомендациями консультативного комитета Совета образования. Фактически солидаризовавшись с левыми, комитет Хэдоу высказался в 1926 г. за переход к всеобщему десятилетнему образованию с заменой параллельного обучения в “элементарных” и средних школах “системой, исходящей из того, что образование естественно распадается на 2 фазы: начальное (обучение детства) и пост-элементарное, среднее (обучение юности)”. Комитет предложил 3 основных типа средних школ: “грамматическую” школу, “современную” школу и “старшие классы”.

Последние в середине 30-х годов посещало уже около 1/2 учащихся возраста 11 – 14 лет. Многие из них приобретали образование, приближающееся к среднему. Но подавляющая часть детей, проводя за партой минимум 9 лет, продолжала получать ограниченную подготовку. Нужна была новая основательная реформа школы. В 1938 г. консультативный комитет министерства просвещения вновь поднял вопрос о необходимости введения всеобщего *бесплатного среднего образования*.

Параграф 2 “Проблема будущего производственного обучения и системы “дальнейшего образования”” посвящён анализу изменений, происходивших при активном участии государства в сфере обеспечения молодёжи специальностью.

К XX в. в традиционных для английской экономики отраслях основной формой подготовки квалифицированных рабочих по-прежнему оставалось производственное обучение, страдавшее массой анахронизмов и к тому же неуклонно сужавшееся. При отсутствии иных форм профобразования за спасение системы производственного ученичества взялись профсоюзы. В коллективные договоры стали включаться положения о производственном обучении и оплате труда молодёжи. В разгар второй мировой войны, когда вновь, как и в 1914 – 18 гг., обнаружится дефицит квалифицированных кадров, к этой работе подключится государство. Положение об *освобождении* лиц младше 18 лет от работы на один день в неделю *в целях учёбы в технических классах* появится во всех принятых после 1945 г. отраслевых соглашениях о производственных учениках.

Образование, получаемое *за пределами предприятий*, играло всё большую роль в профессиональной подготовке даже производственных учеников. Для остальной же части трудящейся молодёжи оно оказывалось единственным средством обеспечения своего профессионального и социального роста. В главе рассматриваются средства, с помощью которых государство всемерно поддерживало “неочную” форму обучения, всё больше превращая “дальнейшее

образование”, созданное когда-то общественностью, в “общественно-государственную” систему.

После Великой войны правительство образовало ряд комитетов для изучения потребности в кадрах отдельных отраслей экономики и для выяснения состояния дела профобучения. С 1928 г. стали создаваться региональные советы “дальнейшего образования”. Был уточнён характер подготовки, необходимой в современных условиях как квалифицированным рабочим, так и инженерно-техническому персоналу: с 1921 г. выпускники технических школ и колледжей стали сдавать единые экзамены на получение Национальных свидетельств. Государство продолжало переориентировать на нужды современного общества многочисленные школы искусств, которые считались в стране составной системы технического образования. Несмотря на периодические сокращения, расходы властей на “дальнейшее образование” увеличились за 1924 – 37 гг. на 74,1 %. Из курсов, финансируемых ЛЭК, более половины давали исключительно профессиональное образование и ориентировались преимущественно на молодёжь: в 1937/38 г. 58 % занимавшихся на них “неполный день” были младше 21 года.

После окончания Великой войны был создан консультативный комитет министерства просвещения по делам “образования взрослых” и учреждена система инспекции последнего. В 1924 г. этот сектор образования был передан под опеку “ответственных органов”, в роли которых стали выступать как некоторые общественные организации, так и специально созданные региональные комитеты. В университетах стали создаваться факультеты “образования взрослых” (вечерние факультеты). Увеличился вклад в развитие “образования взрослых” и со стороны ЛЭК, хотя до 1944 г. те формально не были ответственны за него. Число получающих без отрыва от производства “специализированное образование для промышленности и торговли” возросло за 1924 – 37 гг. с 708403 до 1157178 человек.

Капитал предпочитал, чтобы профессиональное, а тем более общее образование трудящаяся молодёжь получала в государственных и “свободных” учебных заведениях – и за счёт своего свободного времени. Власти фактически шли на поводу у бизнеса. Хотя уже в 1929 г. впервые было предложено подвергнуть фирмы налогообложению, идущему исключительно на развитие профобразования, эта мера будет осуществлена лишь в 1965 г. Но важно то, что, создавая всё новые и новые формы “дальнейшего образования” и “образования взрослых”, государство обеспечивало доступ к знаниям тем молодым людям, что в противном случае никогда бы не смогли расстаться с “тупиковыми” занятиями.

Не очень заботясь о создании “тепличных” условий для получения трудящейся молодёжью образования, заставляя её заниматься в основном по вечерам и в выходные дни, государство делало в то же время максимум возможного, чтобы обеспечить полноценный досуг молодого поколения.

Глава 10 “Мероприятия по повышению степени организованности молодёжи и обеспечению её досуга” содержит 3 параграфа: “Актуализация проблемы свободного времени населения”, “Некоторые эксперименты и проекты

работы с молодёжью межвоенного периода” и “Учреждение Молодёжной службы”.

Возникшая в 20-е годы вынужденная праздность массы людей актуализировало проблему времяпрепровождения, обострявшуюся с XIX в. под воздействием растущего отчуждения труда. Немало проблем рождала также коммерциализация досуга: коммерческие зрелища и увеселительные заведения были доступны далеко не всем и к тому же часто не только не способствовали укреплению нравственного и физического здоровья населения, но и наносили ему вред. Не могла не волновать и всё более заметная американизация национальной культуры. Итогом стало рождение своего рода программы общественно-государственной деятельности в важнейшей сфере жизнедеятельности человека, сводившейся к тому, что отдых должен быть свободным, независимым, бесплатным, а навыки его нужно воспитывать.

Подключение государства к выполнению ранее не свойственной ему функции нашло своё выражение в законе об образовании 1921 г., который уполномочил местные органы просвещения основывать *“любого вида центры образования взрослых и общественные центры, создающие благоприятные социальные условия и возможность отдыха-развлечения”*. Эта работа на 1/2 стала финансироваться правительством. С 1936 г. к организации досуга населения подключились жилищные органы и органы здравоохранения. Решением проблемы занимался Национальный совет социальной службы, координировавший с 1919 г. усилия общенациональных организаций, работавших в области социального благосостояния. Особенно совет поощрял развитие *“обновлённой коммунальной жизни”*, помогая в создании коммунальных ассоциаций, общественных центров в городах и клубов в сельской местности, появление которых оказалось тесно связано с широким жилищным строительством 20 – 30-х годов. В диссертации показана как эта работа, так и учёт в ней специфики юношеского возраста.

Если объединение населения по месту жительства стало одним “стратегическим” направлением деятельности властей в сфере досуга, то другим таким направлением явилось развитие активных форм отдыха.

С 1918 г. началось строительство школьных спортплощадок. Часто эксплуатировавшиеся школами – из-за отсутствия денежных средств и земли – совместно, эти стадионы в 30-е годы стали использоваться для проведения спортивно-физкультурных занятий и во внеурочное время. Предоставление спортивных площадок юношам из рабочей среды приобрело характер гражданской кампании. В 1925 г. был основан Центральный совет активного отдыха, предоставляющий средства таким организациям, как Ассоциация молодёжных турбаз. Принятый в 1937 г. первый в истории страны закон о физической подготовке и активном отдыхе обязал ЛЭК впредь осуществлять “социальную и физическую подготовку” всех граждан, независимо от того, связаны они с институтом образования или нет. Возложив эту работу и на другие местные органы власти, закон учредил 22 районных комитета, а также Национальный совет физической подготовки. В 1938 г., снимая одно из препятствий на пути разви-

тия массового туризма, власти провели закон “О доступе к холмам”, а также приняли Программу физической подготовки нации. Борьба за “стройность” населения вылилась в новую кампанию “За здоровье и силу”. В отличие от начала века левые уже не высмеивали движение, развивавшееся под старым лозунгом.

“Полуразвлекательную-полуобразовательную” функцию всё чаще выполняли учреждения “дальнейшего образования”. Власти не отказывали в поддержке той части их работы, что лежала уже на водоразделе между образованием и деятельностью в области социального благосостояния. Акт Батлера 1944 г. обяжет ЛЭК создавать условия для развития всех видов “дальнейшего образования”, прямо подчеркнув, что речь идёт и о “досуговой деятельности культурно-развлекательного характера”.

Приступив после 1918 г. к созданию горняцких Ассоциаций благосостояния, власти вместе с ними стали финансировать и их подростковые клубы. Это были первые случаи государственного субсидирования молодёжных объединений. В 1935 г., в условиях, когда рядом с “добровольными” молодёжными организациями поднялось мощное движение молодёжи за мир и социальную справедливость, Совет образования принял решение об открытии *муниципальных молодёжных клубов*. В главе рассматривается также расширение арсенала методов и форм работы молодёжных организаций/клубов и растущая с 1921 г. их поддержка государством, приведшая к созданию в 1936 г. Постоянно действующей конференции национальных добровольных молодёжных организаций. Кроме того анализируется развернувшееся с середины 30-х годов обсуждение проектов введения для молодёжи какой-либо обязательной “национальной службы”.

Разразившаяся в сентябре 1939 г. война грозила перечеркнуть многое из того, что было достигнуто в области работы с молодёжью. Осложнила ситуацию и начавшаяся эвакуация в сельскую местность городских школьников. 3 октября 1939 г. в палате лордов состоялась первая в военное время, а в феврале 1940 г. — вторая дискуссия по молодёжному вопросу. Заявив о решимости предотвратить рецидив социальной проблемы, возникшей в прошлую войну, правительство уже в октябре 1939 г. приняло решение “сфокусировать и возглавить усилия всех занимающихся благосостоянием молодёжи”, а в ноябре учредило Молодёжную службу, “особо ответственную” за обеспечение нужд и интересов молодых людей в возрасте 14 – 20 лет из числа приступивших к самостоятельному труду. В параграфе 3 рассматривается процесс создания новой государственной структуры.

В заключении подведены итоги исследования.

Вопреки распространённому представлению, государственная молодёжная политика не является феноменом только послевоенного времени. В Великобритании она своими истоками уходит в эпоху промышленного капитализма. При участии властей с 1870 г. в стране стала складываться новая модель социализации личности, базировавшаяся на активной роли школы.

В начале XX в. английская молодёжь оказалась объектом пристального внимания. Под влиянием её растущей обособленности от взрослых, недоста-

точной, как показала англо-бурская война, физической, интеллектуальной и духовной подготовки населения власти предприняли целую серию сознательных усилий по улучшению условий жизни, учёбы и труда молодых людей и по повышению эффективности их образования-воспитания. Признав уникальный статус тех, кто уже не был детьми, но и не стал ещё полностью взрослыми, они приступили к созданию школьной службы здравоохранения, подростковой службы занятости, специально предназначенных для детей и молодых людей судов и исправительных учреждений. Растущее значение стало придаваться юношеским группам и контролю над ними, началось решение проблем материального обеспечения школьников и студентов.

После первой мировой войны усилия по решению молодёжного вопроса приобретают очертания цельной политики, направленной на бесконфликтное включение подрастающего поколения в систему существующих отношений. В огромной степени этому способствовало давнее о себе знать в конце войны особое “молодёжное сознание”, а также активизация борьбы за молодёжь со стороны левых сил и становление в 20-е годы хотя и малочисленного, но крайне активного левого фланга молодёжного движения. Коррективы государственной политики становились тем неизбежнее, что со складыванием этого политического фланга то, что ранее являлось скорее *“движением для молодёжи”*, превратилось в *“движение самой молодёжи”*.

Из-за колоссальных экономических трудностей 20 – 30-х годов значительную часть намеченных и даже начатых в сфере молодёжной политики мероприятий пришлось свернуть. В разгар поистине великой для Британии “депрессии” всё затмила борьба с негативными последствиями безработицы, которая, однако, при первой же возможности стала уступать место комплексной, социализирующей политике. В общем виде эта молодёжная политика выглядела как серия мер, направленных, с одной стороны, на создание необходимых материальных условий существования, а с другой, – на воспитание нужного для данного этапа развития общества типа труженика и гражданина. То, что комплексность молодёжной политики отчётливо проявилась именно во второй половине 30-х годов, было связано с необходимостью упрочения базы демократии перед лицом угрозы фашизма. Активизация всех направлений государственной политики в отношении молодого поколения в огромной степени оказалась продиктована и тем, что в стране, не знавшей “взрослого” Народного фронта, сложился единый фронт борьбы молодёжи за мир и социальную справедливость.

Направление политики, сориентированное на молодое поколение, заняло в деятельности властных структур накануне новой войны место, ничуть, пожалуй, не меньшее, чем рабочая политика. Выделение этого направления – яркое проявление как процесса саморегуляции капиталистической системы, так и явления расширения социальной функции государства.

Роль государства не может оставаться постоянной и то возрастает, то ослабевает. Но упование на то, что “гражданское общество” может обойтись без него в решении даже самых сложных общественных проблем необоснованно и является ничем иным, как отголоском старых либерально-социалистических

идей XIX в. В ходе данного исследования неоднократно обнаруживалось, что само формирование отдельных сегментов “гражданского общества” становилось возможным лишь после непосредственного вмешательства государства. Властям принадлежала и главная роль в модернизации старых институтов, в наполнении их – как правило, при сохранении старой формы – новым содержанием, соответствующим требованиям дня.

Из всех сфер жизнедеятельности молодёжи наибольшее внимание властей привлекала область образования – и не только потому, что школа – основной институт социализации. В силу более позднего по сравнению с соседними странами становления системы всеобщего обучения английская школа оказалась недостаточно эффективной с точки зрения выполнения и своей воспитательной функции, и функции воспроизводства социально-профессиональной структуры общества. В 1900 – 1930-х годах “свободные” учебные заведения были подчинены общественному контролю, 7-летнее всеобщее обязательное школьное обучение стало 9-летним, массовая школа начала выходить за пределы начального обучения. Тогда же получила признание концепция среднего образования как образования, равного *по престижу и качеству* тому, что давали имеющиеся средние школы, *на равных финансируемого* с ним, но не обязательно “грамматического” типа. Именно эта концепция ляжет в основу реформы образования 1944 г.

Заметный шаг вперёд при всё более активном вмешательстве государства сделало профессиональное образование. Сохранив приверженность традиционной системе подготовки кадров – подготовки непосредственно на рабочем месте с параллельной, в случае необходимости, учёбой тружеников по вечерам, в дополнительный выходной, власти сосредоточили усилия на модернизации “дальнейшего образования”. Хаотическое нагромождение отдельных технических и литературных классов, вечерних школ, институтов, расположенных главным образом в Лондоне, оказалось преобразовано к концу 30-х годов в комплекс учебных заведений, курируемый совместно местными и центральными властями и общественностью. В нём училось вдвое больше людей, чем в начале века. Доступ детей трудящихся к общему и специальному образованию значительно расширился, а значит, увеличились их возможности профессионального и социального роста.

В рассматриваемый период на много лет вперёд удалось найти подход к определению содержательной стороны общего образования и гражданского воспитания. Осуществлявшееся преимущественно в ходе преподавания обычных гуманитарных дисциплин, английское “либеральное” образование нацелено было на формирование у молодёжи приверженности общечеловеческим, а не партикулярным нормам. Школу старались не втягивать в политику, хотя в 30-е годы наметилась некоторая политизация гражданского воспитания. Об этом свидетельствовала борьба за воспитание патриотов-интернационалистов и попытка вдохновить молодёжь идеалом, в роли которого стало выступать государство “всеобщего благосостояния”.

Выдвижение лозунга “всеобщего благосостояния”, призванного привлечь на сторону буржуазно-демократического режима массы, было равнозначно признанию обоснованности требования изменить “систему”. Для тех же, кто занимался выработкой и проведением молодёжной политики, это означало необходимость создать молодому поколению нормальные человеческие условия существования, чтобы реальный опыт поколения усиливал, а не подрывал образование-воспитание.

В 20 – 30-е годы – эпоху колоссальных материальных лишений – стало особенно очевидным, что никакая система просвещения не в состоянии сохранить в обществе стабильность, если не удастся *хотя бы нейтрализовать* явления, дезорганизующие социальную жизнь. А так как таковой является прежде всего нищета, главные усилия государства стали направляться именно на борьбу с ней. Делая всё для заполнения свободного времени безработной молодёжи “конструктивными” формами досуга и учёбой, государство одновременно создало современную систему поддержки безработных и их семей. Предотвратить рецидив нищеты XIX в. помогло и расширение практики бесплатного питания учащихся из малоимущих семей. Следует, однако, признать, что главный “прорыв” в деле организации школьного питания произойдёт лишь в годы новой – второй мировой – войны. И тогда же власти окончательно признают необходимость финансового обеспечения содержания детей, поскольку те как будущие граждане и труженики имеют для общества ценность, не зависящую от ценности труда их родителей. По примеру ряда стран в 1944 г. в Британии будут введены пособия на всех детей, а не только из нуждающихся семей.

После первой мировой войны в молодёжной политике государства выдвинулось и ещё одно, совершенно новое направление – деятельность по организации досуга молодёжи и по объединению её в разного рода союзы на основе вполне определённой жизненной философии. Власти развернули работу по привлечению молодых англичан к занятиям физкультурой, спортом, туризмом, приступили к финансированию молодёжных организаций, стали открывать муниципальные молодёжные клубы. Учреждение Молодёжной службы, занимающейся досугом и организацией подростков и молодых людей в возрасте до 20 лет, стало своего рода символом окончательного выделения молодёжной политики в качестве самостоятельного направления государственной деятельности – независимо от того, осознавалось это самим британским обществом или нет.

Переход государства к курсу, преследующему цель согласованного воздействия на личность молодого человека различными инструментами социализации и обеспечения их влияния в одном направлении, происходил в условиях, когда проблема молодёжи впервые в истории оказалась в центре внимания общественной и научной мысли страны. Обсуждалась она на фоне общих размышлений относительно перспектив развития западного общества, а также в условиях, когда политически активная часть молодых англичан совершенно ясно определилась по поводу приоритетов государственной деятельности, подтверждая правоту утверждения, что вся *думающая* молодёжь 30-х годов – *левая*,

если обозначать этим определением тех, кто отказывался мириться с самодовольством правых сил.

Вопреки распространённому подходу, радикализация английской молодёжи 30-х годов не рассматривается нами лишь в качестве проявления сбоя в механизме социализации. Подъём молодёжного движения за мир и социальную справедливость служил одновременно и подтверждением эффективности этого механизма. Особую роль в данном случае сыграла работа общества и государства по воспитанию граждан-демократов и формированию у молодёжи навыков общественной деятельности.

Процесс социализации, особенно политической, в классово неоднородном обществе сталкивался с огромным количеством трудностей. Тем не менее, английскому государству удалось решить стратегическую в отношении подрастающего поколения задачу: избежав особых потрясений, “встроить” его в структуру существующих отношений. Молодёжь 30-х годов, однако, не просто “вписалась в систему”, а присоединилась к требованию модернизации общества, усилив этим давление на систему со стороны левых сил.

Довоенное британское государство вряд ли можно назвать надклассовым, однако в его молодёжной политике – возможно, даже более отчётливо, чем в годы будущего “всеобщего благосостояния” – проявлялось межклассовое и политическое согласие, частично порождённое сложностью общеевропейской ситуации, но прежде всего отражавшее компромисс интересов капитала и требований лиц наёмного труда. Инициатором согласия являлись преимущественно лейбористы, более адекватно, нежели тори, реагировавшие на запросы общества. В отличие от ЛПВ основная буржуазная партия – партия консерваторов – по-прежнему нередко приносила общественные интересы в жертву узкоклассовым.

Не хотелось бы идеализировать английскую социальную систему. От идеализации её предостерегает уже сам собой напрашивающийся вопрос: что это за общество, для очередного значительного продвижения которого в социальной сфере непременно требовалась новая война: то англо-бурская, то очередная мировая? Но поучиться у английских властей первой половины XX века есть чему. Знакомство с их молодёжной политикой убеждает прежде всего в необходимости поиска рационального сочетания частной и государственной инициативы, а также в том, что сложившиеся социальные институты ломать не стоит: при соответствующей последовательности и настойчивости они могут быть прекрасно реформированы, приспособлены к новым условиям, избавляя общество от болезненных для него революционных потрясений.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Молодёжная политика британского государства (первая треть двадцатого века). Омск: Омск. гос. ун-т, 1997, 15,5 п. л.
2. Английская буржуазная общественно-политическая мысль о проблемах образования и школьной политике (30-е годы XX в.) // Вопросы европейской

историографии и источниковедения. Межвузовский тематический сборник статей. Омск, 1990. С. 3 – 15.

3. Великобритания: проблема социального контроля // Проблемы истории Запада (античность, средние века, новое время). Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1991. С. 101 – 115.

4. У истоков молодёжной политики английского государства // Рах Britannika: актуальные проблемы социально-экономической и политической истории Великобритании в новое и новейшее время: Тезисы научной конференции. – Ч. II. – Уфа, БашГУ, 1991, – С. 59 – 62.

5. Из опыта молодёжной политики правительства Великобритании // Молодёжная политика: международный опыт. Материалы “круглого стола”. Москва, 1991. С. 88 – 96.

6. Международная обстановка и молодёжное движение Великобритании 1930-х гг. // Вопросы истории международных отношений и внешней политики великих держав. Томск, 1993. С. 40 – 43.

7. Проблема формирования “гражданина мира” и британская школа 1920 – 1930-х гг. // Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время. Выпуск I. Волгоград, 1994. С. 96 – 107.

8. Из опыта совершенствования системы образования Великобритании // Гражданское общество и региональное развитие. Материалы научно-практической конференции 22 апреля 1994 г. Томск, 1994. С. 114 – 115.

9. Британский скаутизм 1910-х годов и его жизненная философия // Исторический альманах по Скаутингу. Выпуск I. Омск, 1995. С. 5 – 14.

10. Осмысление причин возникновения молодёжной культуры в английской социологии 1960 – 70-х годов // Философия и язык культуры. Тезисы региональной научной конференции. Омск, 1 – 4, 7 февраля 1994 г. Изд-во ОмГУ, Омск, 1995. С. 34 – 37.

11. Английское государство и институционализация досуга населения в условиях 1920 – 1930-х годов. // Социальные институты в истории. Материалы научных конференций. Омск, 1996. С. 63 – 67.

12. Из истории Мирной ассамблеи британской молодёжи (1936 – 1939 гг.) // Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время. Выпуск 2. Волгоград, 1995. С. 91 – 107.

13. Ричард Ливингстон и Карл Мангейм о проблеме совершенствования духовного образования // Вестник Омского университета, 1997, N 1. С. 56 – 61.

14. Ситуация в сфере занятости молодёжи и правительственная политика (Великобритания, 1920 – 1930-е годы) // Исторический ежегодник. Под ред. А.В. Якуба. Омск, 1996. С. 104 – 116.

15. О складывании современной концепции школьного исторического образования в Великобритании // Исторический ежегодник. Под ред. А.В. Якуба. Омск, 1998. С. 83 – 95.

16. Один из подходов к решению проблемы молодёжной безработицы (из опыта Великобритании 1920 – 1930-х годов) // Молодёжь: на пороге XXI века.

Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции 28 – 29 октября. Омск. 1998. С. 153 – 156

17. Молодёжная политика английского государства в первой трети XX в.: историографический аспект проблемы // Европейские исследования в Сибири. Выпуск 1. Материалы международной научной конференции 25 – 26 сентября 1997 г. Томск, 1998. С. 55 – 61

18. Поиск новой модели одного из основных институтов социализации (Великобритания 1900 – 1930-е годы) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Межвузовская региональная научная конференция. Омск, 2000. С. 38 – 47

19. Английская модель патриотизма и средства её формирования // Великий подвиг. К 55-летию Победы. Тезисы докладов Всероссийской молодёжной научно-практической конференции 26 – 27 апреля 2000. Омск, 2000. С. 178 – 182.

ФОМЕНКО СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ БРИТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1900 – 1930-е годы)**

Специальность 07.00.03 –
всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук*

Подписано в печать 20.04.2001. Формат бумаги 60х84 1/16.

Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ 209 .

*Издательско-полиграфический отдел ОмГУ
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, госуниверситет*

200